

INDEXED

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Батковичъ

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ВОСЬМОЙ

МОСКВА

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ)

На Страстномъ Бульварѣ

1880

20

ДѢЛО ДОКСА

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СЛѢДОВАТЕЛЯ

I.

Читаю: „Устьумское волостное правленіе имѣетъ честь до-нести вашему высокоблагородію что сего числа явился въ оное волостное правленіе крестьянинъ устьумскій Василій Тивьковъ и представилъ неизвѣстнаго званія человѣка, какъ бы Нѣмца, у коего на рукѣ найдены знаки поравенія, и оный неизвѣстный Нѣмецъ объяснилъ что знаки сіи произошли отъ толора, коимъ его покушался убить лѣсной сторожъ господскаго Устьумскаго лѣса, и отъ коего онъ бѣжалъ сею ночью. Тивьковъ же, допрошенный мною, показалъ что сего неизвѣстнаго Нѣмца онъ выслѣдилъ въ Устьумскомъ лѣсу по слѣду крови и нашелъ спрятавшимся подъ кустъ и укрытымъ съ головой въ пальто. Еще имѣю честь довести что оный Нѣмецъ по дорогѣ въ волостное правленіе хотѣлъ бѣжать отъ крестьянина Тивькова, и вторично по приводѣ въ волостное правленіе, сдѣлавъ въ арестѣ подкопъ, покушался снова убѣжать. А такъ какъ онъ показалъ себя Готлибомъ Доксомъ, служащимъ на пивоваренномъ заводѣ въ Л., но паспорта при немъ никакаго не найдено, то потому онъ и задержанъ при волостномъ правленіи впредь до распоряженія вашего высокоблагородія.“

Сообщеніе, конечно, мало помятое, но включенное въ него заявленіе потерпѣвшаго о покушеніи на его жизнь—безусловно обязывало приступить къ производству предварительнаго слѣдствія. Особенно же удивляться тому что вмѣсто обвиняемаго арестовано лицо потерпѣвшее отъ преступленія, и что покушалось къ тому же, какъ преступникъ, бѣжать,—но меньшей мѣрѣ было преждевременно. Обыкновенно такіе казусы разъяснялись слѣдствіемъ и превращались въ самыя обыкновенныя происшествія.

Было уже около 10 часовъ вечера, когда сообщеніе было мнѣ доставлено, и хотя Устьумское волостное правленіе и отстояло отъ Л., гдѣ находилась моя камера, не болѣе какъ на 10 верстѣ, тѣмъ не менѣе передать немедленно распоряженіе о доставленіи арестованнаго въ Л. не представлялось уже никакой возможности, и злополучному Доксу предстояла неизбежная вочевка въ холодной.

Законъ даетъ право слѣдователю производить слѣдствія не выѣзжая на мѣсто происшествія, если свидѣтели живутъ не далѣе 15 верстѣ отъ его камеры, и если, конечно, особыя обстоятельства не требуютъ присутствія его на мѣстѣ для такихъ слѣдственныхъ дѣйствій какъ напримѣръ осмотръ мѣстности сдѣлавшейся театромъ преступленія, осмотръ вещественныхъ доказательствъ которыя по существу своему, не могутъ быть перенесены или перевезены, и др. Въ данномъ случаѣ я рѣшился ѣхать на мѣсто, такъ какъ при слѣдствіи могла легко представиться надобность осмотрѣть мѣсто происшествія. Поэтому я сейчасъ же озабочился о лошадяхъ и затѣмъ зашелъ къ уздному врачу предупредить его о предстоящемъ лутешествіи. Старый докторъ поморщился, поворчалъ, но согласился ѣхать осмотрѣть рану Докса въ Устьумъ. Отъ доктора я направился къ содержанию пивовареннаго завода, съ которымъ хотя и былъ нѣсколько знакомъ, но котораго своимъ позднимъ приходомъ перелугалъ неслыханно. Я хотѣлъ обратъ отъ него свидѣнія о личности Докса, чтобъ имѣть возможность по приѣздѣ въ Устьумъ освободить его. Нѣмецъ-пивоваръ очевидно расплагалъ уже отойти ко сну, и принялъ меня въ халатѣ, что однако не помѣшало ему выказать крайній респектъ къ представителю правосудія и три раза поклониться прежде чѣмъ пригласить меня сѣсть. Я послѣдшилъ успокоить почетнаго пивовара и объяснилъ ему осторожно цѣль своего

посвещеніи. Услыхавъ объ арестѣ Докса онъ, казалось, очень огорчился. Первымъ его движеніемъ было скакать сейчасъ же въ Устьумъ и освободить его во что бы то ни стало, но я успокоилъ его, объясняя что чрезъ нѣсколько часовъ долженъ самъ ѣхать туда съ докторомъ и что Готлибу будетъ удобнѣе посидѣть ночь въ холодной чѣмъ провести ее въ дорогѣ, катаясь взадъ и впередъ между волостью и городомъ, но я обѣщалъ что или привезу Готлиба самъ, или поручу его доктору.

Немного успокоенный, старикъ пригорюнився и сталъ причитывать:

— Ахъ, господивъ слѣдователь, этотъ Готлибъ совсѣмъ дитю! Сколько разъ уговаривалъ я его: „Готлибъ, не уходи отъ меня, а то промадешь!“— „Нѣтъ, говорить, дядя, не могу—уйду.“ Это правда,—добавилъ онъ печально,—наше ремесло очень-очень трудное! Работникъ очень большой баловникъ; и ливо пьетъ не какъ человекъ, а какъ свинья, и льямъ бываетъ постоянно. А Готлибъ добрый, онъ не могъ этого видѣть и не позволялъ имъ напиваться. Ну они на него за то и сердиты были и дѣлали ему постоянно неприятели. Пиво хорошаго качества, благородный, и мы съ Готлибомъ часто и весь боченокъ въ праздникъ выпьемъ, но не дай Богъ чтобы льявы были: отъ льява человекъ льявъ быть не можетъ; а они ливо съ водкой мѣшаютъ,—такой свинь!

Въ заключеніе ливоваръ сообщалъ мнѣ что этотъ Готлибъ его родственникъ, что онъ при расчетѣ выдалъ ему 500 рублей, и что Готлибъ намѣревался отправиться на родину въ Саксонію, но видно потерялъ свой паспортъ. Онъ просилъ освободить „честнаго Готлиба“ возможно скорѣе, повторивъ еще разъ что Готлибъ „совсѣмъ дитю“.

Доксъ повидимому оправдывалъ слова ливовара.

На другой день утромъ предъ нами въ Устьумскомъ волостномъ правленіи предсталъ молодой блондинъ человекъ, почти юноша, съ голубыми глазами и блѣдыми нѣжными щеками, на которыхъ то и дѣло вспыхивалъ яркій румянецъ. Онъ очевидно былъ крайне утомленъ, проведя часть дня и бессонную ночь въ холодной, но лаять было замѣчательно чисто и въ порядкѣ. Говорилъ онъ по-русски довольно плохо, немилосердо коверкая слова и какъ бы создавая малопонятность своей рѣчи, вглядываясь въ глаза, пытаясь прочесть погляди ли его.

Этотъ ясный, полузастигивчивый взглядъ могъ принадлежать скорѣе дѣвухѣ чѣмъ взрослому мужчине, и разѣ испытывъ на себѣ этотъ взглядъ, невольно раждалось убѣжденіе въ глубокой нравственной чистотѣ этого человѣка. Подобные субъекты нынѣ крайне рѣдки,—они продуктъ воспитанія кое-гдѣ удавѣвшаго еще въ самыхъ захолустныхъ селахъ Германіи.

Докторъ воскликнулъ даже отъ удивленія, когда Готцаба ввели въ нашу комнату, до того ему показалось неестественнымъ появленіе въ такомъ мѣстѣ стараго пріятели, да при томъ еще и подѣ карауломъ двухъ сторожей, которыхъ мы однако послѣднимъ удалили.

— Неужели это вы, милый Готцабъ! Ахъ, Боже мой, да какъ же это случилось! Вотъ встрѣча! восклицалъ докторъ, не замѣчая смущенія и подавленнаго состоянія въ которое приводилъ Готцаба его возгласы.

— Карлъ Ивановичъ хорошъ тоже: отпустилъ васъ одного, да еще пѣшкомъ! продолжалъ удивляться неутомимый докторъ, позабывъ даже огорченіе свое по случаю раннаго выѣзда на слѣдствіе, за который дулся на меня всю дорогу, что и было причиною почему я не могъ сообщить ему ранѣе о злополучномъ происшествіи постигшемъ его пріятели.

Рана оказалась глубокою, но не опасною. Она шла вдоль руки между локтемъ и кистью. Всѣ мягкія части оказались разсѣченными до кости, но жилы удавѣли, и кровотеченіе было незначительно. Края раны были ровны, что доказывало что она сдѣлана острымъ желѣзнымъ орудіемъ, и въ этомъ убѣждали также разрывы на сюртукѣ и рубахѣ. Это же мнѣніе даво было и докторомъ по окончаніи осмотра. Я приступилъ затѣмъ къ допросу потерпѣвшаго.

Доксъ отъ смущенія еще болѣе коверкалъ слова, но я не буду удерживать здѣсь способъ его произношенія. Нѣтъ сомнѣнія что даже въ своей Саксоніи онъ не въ состояніи будетъ похвалиться знаніемъ русскаго языка.

— Ваше имя, отчество и фамилія?

— Готцабъ Іогановъ Доксъ.

— Ваше званіе?

— Саксонскій подданный.

— Гдѣ проживаете?

— Я два года жилъ у дяди моего на пивоваренномъ заводѣ въ Л., завѣдывая производствомъ и исполняя другія по заводу работы, а теперь шелъ на родину въ Саксонію.

— Ваша лѣта?

— Двадцать два.

— Вы шли одинъ, безъ полутчиковъ?

— Одинъ.

— Кромѣ того имущества которое теперь при васъ было ли съ вами еще что-либо?

— Да, узель.

— Гдѣ онъ?

— Онъ остался въ домѣ лѣсника, изъ котораго я бѣжалъ прошлой ночью.

— Что въ немъ находилось?

Докъ перечислялъ подробно все свое имущество. Оно заключалось исключительно въ платье и бѣлье.

— Были ли въ немъ деньги или какія-нибудь бумаги?

— Было два лисьма дяди къ моимъ родственникамъ.

— А деньги?

— Нѣтъ, деньги при мнѣ. Онѣ зашиты въ рубахѣ, которая теперь на мнѣ. Кошелекъ же съ тридцатью шестью рублями у меня отобрали въ этой комнатѣ, какъ только привели сюда.

— Вы шли за гравлицу и слѣдовательно должны были имѣть паспортъ?

— Я входилъ въ полицейское управленіе и просилъ о немъ, но мнѣ сказали что нужно подать прошеніе и ожидать довольно долго. Я не хотѣлъ ждать, и ушелъ безъ паспорта. Я шелъ на родину, гдѣ меня знаютъ, и гдѣ паспортъ не требуютъ, а потому думалъ что меня никто не остановитъ.

— Почему вы, не зная мѣстности, не наняли лошадей и рѣшились зимою предпринять этотъ путь лѣшкомъ и безъ провожатаго?

— Я берегъ деньги, да къ тому же и дядя совѣтовалъ мнѣ идти лѣшкомъ: дорога была большая и путь былъ не труденъ.

— Разкажите, когда именно вышли вы изъ Л. и какъ случилось что васъ нашли въ лѣсу, далеко въ сторонѣ отъ дороги и въ такомъ печальномъ положеніи?

— Я давно уже собирался возвратиться на родину, и неоднократно просилъ дядю отпустить меня, но онъ не соглашался, и когда увидѣлъ что я не могу справиться съ рабочими, то самъ сталъ за ними присматривать, а мнѣ передалъ бухгалтерію и нѣкоторыя другія свои занятія, но это продолжалось не долго, потому что ему трудно было

услѣввать одному вездѣ, такъ какъ кромѣ завѣдыванія производствомъ и подваломъ, онъ долженъ былъ отлучаться съ завода для закупокъ, заготовокъ разныхъ и по другимъ дѣламъ. Я снова сталъ завѣдывать производствомъ, и снова жизнь моя стала для меня невыносима. Рабочіе мои пьянствовали, и я не могъ рассчитывать ни на однихъ удачныхъ, хорошихъ выходъ лива. Кромѣ того, не проходило дня чтобы кто-либо изъ нихъ не надѣлалъ мнѣ грубостей и не накидывался на меня такъ нахально что я принужденъ бывалъ...

— Чтѣ же вы принуждены были дѣлать? спросилъ я, видя что Доксъ замолчалъ и покраснѣлъ.

— Я принужденъ былъ каждый разъ искать помощи у дяди,—олутивъ глаза въ землю, проговорилъ онъ. Затѣмъ онъ продолжалъ.—Наконецъ совѣсть моя не позволила мнѣ обременять долге дядю, который изъ любви ко мнѣ долженъ былъ и умирять рабочихъ, и вести все дѣло одинъ, безо всякой существенной помощи съ моей стороны. Я не могъ продолжать такую жизнь, и на дняхъ объявилъ ему что ухожу. Родители мои бѣдны и у насъ большая семья, въ которой я старшій. Вотъ почему я не хотѣлъ тратить денегъ на наемъ подводы, тѣмъ болѣе что дядя къ деньгамъ слѣдовавшимъ мнѣ по условію прибавилъ еще отъ себя 150 рублей, зная что деньги намъ очень нужны. Я собралъ мои вещи, уложилъ ихъ въ кожаный узелъ и около трехъ часовъ вечера распрощался и вышелъ изъ города. Я думалъ добратся засвѣтло до Семигановскаго села и тамъ переночевать на постояломъ дворѣ знакомаго мнѣ кулца, который постоянно закупалъ у насъ ливо, а на другой день мнѣ легко уже было дойти до станціи желѣзной дороги или даже и доѣхать, потому что изъ Семигановска каждый день отправляются подводы на желѣзную дорогу, и меня за ничтожную цѣну подвели бы. Отойдя верстѣ шесть отъ Л. мнѣ повстрѣчались какіе-то крестьяне, и я спросилъ у нихъ далеко ли еще до Семигановска. Они мнѣ отвѣтили что остается еще верстѣ пять, но если я, пройдя около полуверсты, сверну съ дороги вправо и пойду лѣсомъ, то сокращу себѣ путь почти на половину. Сбится съ дороги, по мнѣнію крестьянъ, нельзя, потому что другой дороги въ лѣсу нѣтъ. Было еще совсѣмъ свѣтло, но холодъ, несмотря на скорую ходьбу, давалъ порядкомъ себя чувствовать, и я рѣшился послѣдовать совѣту крестьянъ и идти лѣсомъ. Я скоро нашелъ тропинку и пошелъ по ней. Лѣсъ былъ

высокій и густой, такъ что вѣду было почти темно, но тропинка шла прямо, вѣду не раздѣляясь, и я не боялся заблудиться; тамъ было гораздо теплѣе чѣмъ въ полѣ, и я скоро задрѣлъ лѣсною... Вы не удивляйтесь, господина слѣдователь, этому: мы, нѣмецкіе работники, всегда поемъ въ дорогѣ, это наше обыкновеніе и вошло въ привычку. А лѣсъ былъ такой тихій да теплый что я и самъ не знаю какъ сталъ лѣть. Такъ я прошелъ около полудна, а въ лѣсу тѣмъ временемъ совершенно стемнѣло. Дорогу однако было видно хорошо, и я продолжалъ бодро идти впередъ, какъ вдругъ возлѣ меня точно изъ земли выросла фигура человѣка большаго роста, съ большою черною бородой. Онъ былъ въ тулупѣ и изъ-за спины торчало ружье, а въ рукахъ была толстая палка. Онъ меня спросилъ, куда меня Богъ несетъ и откуда я иду, а когда я ему отвѣтилъ, то онъ сталъ меня очень жалѣть и увѣрять что я заблудился и иду въ совершенно противоположную сторону. Я очень хорошо помнилъ наставленія крестьянъ, а также и то что мнѣ ни разу не приходилось сомнѣваться въ выборѣ дороги, такъ какъ такого выбора мнѣ ни разу и не представлялось. Человѣкъ этотъ говорилъ со мною ласково и объяснилъ что онъ мѣстный лѣсной сторожъ, и потому лѣсъ въ которомъ мы находились слышкомъ хорошо ему знакомъ для того чтобы не сомнѣваться что я действительно заблудился. Онъ осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ и пригласилъ меня переночевать у него, обѣщая утромъ вывести на дорогу. Я поблагодарилъ его и хотѣлъ отказаться, но онъ продолжалъ уговаривать и даже угрожалъ мнѣ до тѣхъ поръ пока я не согласился.

— Онъ угрожалъ вамъ?

— Да. Онъ говоритъ что такого дурака, какъ я, онъ силою не пуститъ блудить вночь по лѣсу, и что со мною въ лѣсу можетъ случиться какое-нибудь несчастье. Онъ пошелъ впередъ, указывая дорогу, а я за нимъ. Мы шли молча, и во всю дорогу онъ не проронилъ ни одного слова. Вскорѣ мы свернули съ тропинки и пошли безо всякой дороги прямо черезъ лѣсъ. Сначала мы прошли одною поляною, окруженною все тѣмъ же высокимъ и густымъ лѣсомъ, затѣмъ вышли на другую, вокругъ которой лѣсъ былъ не такъ ужъ высокъ, а съ одной стороны его даже вовсе и не было видно, тамъ была какъ-бы широкая просѣлка.

— Справа или слѣва отъ васъ вы видѣли ее?

Доксъ подумалъ и отвѣчалъ что слѣва. Затѣмъ онъ продолжалъ.

— Пройдя вторую поляну мы снова шли безъ дороги, по крайней мѣрѣ я никакъ не могъ замѣтить ни одного слѣда, исключая тѣхъ которые оставлялъ за собою мой проводникъ. Онъ часто, наткнувшись на кустъ или дерево, останавливался, оглядываясь и шелъ затѣмъ далѣе. Такъ мы шли около получаса, пока наконецъ между деревьями не мелькнулъ огонекъ, сначала одинъ, а потомъ рядомъ съ нимъ и другой: это свѣтились окна въ избѣ дѣсника, и мы подошли къ ней черезъ нѣсколько минутъ. Мы обошли ее кругомъ, прошли небольшой огороженный дворикъ и тогда только вошли въ домъ. Керосиновая лампочка стояла на столѣ и ярко освѣщала небольшую, чистую комнату. Насъ встрѣтила женщина которую дѣсникъ тотчасъ же называлъ своею женою. Она такая же большая какъ и ея мужъ, и кажется должна быть еще сильнѣе его. По приказанію мужа она вынула изъ лѣчки суль съ вареною говядиною, поставила на столѣ тарелки, положила ложки, хлѣбъ и другіе предметы, которыхъ теперь уже не помню.

— Когда вы вошли въ избу, какъ дѣсникъ объяснилъ жемѣ вашъ приходъ?

— Когда мы вошли въ избу, онъ на порогѣ еще, снимая шапку, сказалъ что привелъ съ собою заблудившагося.

— Жена отвѣтила на это что-нибудь?

— Я стоялъ въ то время еще въ сѣняхъ, за сливой дѣсника, и не могъ слышать ея словъ, но до меня долетѣло слово „дьяволъ“. Когда мы сѣли ужинать, дѣсникъ досталъ изъ шкафа, который стоитъ у него въ углу, вальво отъ входной двери, небольшую бутылку и рюмку, и предложилъ мнѣ выпить водки, но я отказался, такъ какъ я никогда ея не пью. Угощалъ меня только самъ дѣсникъ, жена же его мнѣ ничего не предлагала и даже вовсе со мной не говорила. Во все время ужина она оглядывала меня также какъ и ея мужъ въ лѣсу, и оглядывала такимъ недобрымъ взглядомъ что мнѣ дѣлалось очень неловко. Я не зналъ равиѣ этой женщины, но она имѣла такой озлобленный видъ что въ чувствѣ ея возбужденномъ моимъ приходомъ трудно было сомнѣваться. За ужиномъ я почти ничего не ѣлъ, хотя дѣсникъ нѣсколько разъ предлагалъ мнѣ отвѣдать того или другаго. Я очень былъ утомленъ непривычною ходьбой и про-

мерзъ, къ тому же меня безлокопло мое положеніе, и потому я тотчас же воспользовался указаннымъ мнѣ мѣстомъ на скамейкѣ противъ печи и улегся на ней не раздѣваясь, подложивъ подъ головы свой узелъ и покрывшись своимъ пальто. Лѣсникъ совѣтовалъ мнѣ торопиться отдохнуть, потому что онъ до зари еще собирался встать и проводить меня. Вскорѣ послѣ того какъ я легъ, онъ ушелъ за печку, потушивъ предварительно лампу, и я слышалъ какъ онъ раздѣлся и легъ въ постель. Спать я не могъ однако. Мнѣ было неудобно на узкой и жесткой скамьѣ и, кромѣ того, меня мучила неизвѣстность моего положенія и.... (тутъ Доксъ покраснѣлъ какъ маковъ цвѣтъ) какой-то страхъ. Я никогда не находилъ еще въ подобныхъ обстоятельствахъ и вы поймете, г. слѣдователь, что мнѣ простительны были эти чувства, тѣмъ болѣе что лѣсникъ и особенно его жена не внушали къ себѣ моего довѣрія. Кромѣ того, во мнѣ еще жило сомнѣніе относительно того что я дѣйствительно заблудился. Прежде чѣмъ сойти съ большой дороги, я очень подробно спрашивалъ крестьянъ, и ихъ указанія помню и теперь. Я помню хорошо, да только потому и рѣшился идти по указанному пути что они убѣдили меня въ отсутствіи другихъ дорогъ и, слѣдовательно, въ невозможности сбиться съ настоящей, цѣя же лѣсомъ я внимательно осматривался и вполнѣ убѣжденъ что шелъ по той дорогѣ по которой идти мнѣ слѣдовало. Лежа на своей скамейкѣ я шагъ за шагомъ всланивалъ пройденный мною путь, и чѣмъ болѣе я приводилъ на память всѣ мельчайшія подробности пройденной мѣстности, тѣмъ болѣе убѣждался что лѣсникъ ошибался и что я находился уже не вдалекѣ отъ Семигановска. Но если я шелъ правильно, то почему лѣсникъ увѣрялъ меня въ противоположномъ? Онъ не могъ ошибаться, потому что съ мѣста нашей встрѣчи онъ безъ дороги и притомъ уже ночью провелъ меня въ свою избу, слѣдовательно онъ зналъ очень хорошо расположеніе лѣса.

Мои хозяева какъ будто спали и даже одинъ изъ нихъ храпѣлъ, но мнѣ показалось что въ избѣ какъ будто шелчутся, и я сталъ прислушиваться. Храпъ былъ отрывистый и въ промежуткахъ я ясно различилъ слова которыми обмѣнивались между собою славшіе за печкой.

— Нѣмчура, проходимецъ, шелталъ одинъ голосъ,—никто не узнаеть!

— Да у него ничёго нѣтъ! отвѣчалъ другой.

— Одежда хорошая, значить и деньги есть. Пришибить обухомъ—и крови не будетъ, олатъ повторяетъ первый.

Дальше я не могъ ничего слышать. Сердце мое болѣзненно сжалось, а въ головѣ и ушахъ застучало такъ какъ будто били по нимъ молотками. Я чувствовалъ что къ горлу подступаютъ и готовы хлынуть рыданія и вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ ясно что силы покидаютъ меня и я готовлюсь упасть въ обморокъ. Я позабылъ все предшествовавшее и настоящее, я помнилъ только одно что долженъ теперь же, сейчасъ лишиться жизни такимъ ужаснымъ образомъ, и можетъ-быть эта мысль и представленіе смерти и придали мнѣ силъ и однимъ прыжкомъ выскочить въ сѣни, отворить дверь и выбѣжать на дворъ. Еще въ сѣняхъ я услышалъ крикъ лѣсника „убѣгають!“, а когда выбѣжалъ изъ калитки, за мной раздался ружейный выстрѣлъ, и пуля прожужжала мимо меня и ударила въ дерево. Я не оглядывался и бѣжалъ такъ быстро, какъ только могъ, но вскорѣ я услышалъ что кто-то меня догоняетъ.

— Стой, стой! кричалъ не вдалекѣ за мною лѣсникъ.

Я хорошо узналъ его голосъ, и вслѣдъ затѣмъ топоръ ударился сначала рукояткой о мою ногу, а потомъ лезвіемъ разрѣзалъ мнѣ руку и упалъ подлѣ меня въ сѣнгъ. Я видѣлъ мелькомъ этотъ топоръ: онъ былъ новый, блестящій, большой. Ночь была очень свѣтлая, потому что свѣтила луна, и я различалъ малѣйшія неровности почвы и всѣ окружавшіе меня предметы. Попадавшіеся мнѣ на пути низкіе кусты я перескакивалъ, деревья огибалъ, и помню хорошо что ни разу мнѣ не пришлось не только упасть, но даже споткнуться. Въ двухъ мѣстахъ дорогу загораживали упавшія деревья: я перескочилъ и черезъ нихъ. Сколько времени я бѣжалъ и далеко ли отбѣжалъ отъ ужаснаго дома—я даже приблизительно опредѣлить не могу. Я былъ въ состояніи близкомъ къ обмороку, и мнѣ казалось что лѣсъ и земля бѣгутъ мнѣ навстрѣчу, и я слышалъ подставлятъ мои ноги, которыя земля съ невѣроятною быстротою уносила назадъ. Теперь мнѣ кажется что это былъ не болѣе какъ тяжелый сонъ, и еслибы не рана на рукѣ доказывающая противное, я былъ бы убѣжденъ что все случившееся со мною дѣйствительно сонъ. Вотъ все что я помню. Когда меня подвѣлъ со сѣнгу тотъ крестьянинъ который привелъ меня сюда, я до того былъ слабъ что безъ его помощи не дошелъ бы сюда, и по дорогѣ

долженъ былъ нѣсколько разъ отдыхать, что крестьянинъ объяснялъ нежеланіемъ идти съ нимъ и за что каждый разъ прививался меня бранить. Я то шель, то ползъ, подоглаемый ливками, и здѣсь на порогѣ уже этого дома со мною случилась вторичный обморокъ. Я не ломлю какъ меня внесли и оставили въ той комнатѣ въ которой я провелъ весь вчерашній день. Когда очнулся, я увидѣлъ подлѣ себя грязное, мохнатое лицо какого-то мужика. Онъ наклонился надо мною и ощупывалъ меня. Я спросилъ: что ему угодно? Онъ попросилъ палпироску. Я отвѣтилъ ему что у меня нѣтъ палпиросъ. Онъ помолчалъ, что-то проговорилъ очень скоро и притомъ шепотомъ, такъ что я ничего не ловялъ, подвѣлъ надъ моимъ лицомъ кулакъ, погрозилъ имъ и ползѣвъ подъ скамью на которой я лежалъ. Что онъ тамъ дѣлалъ—я не знаю, но пробылъ онъ тамъ часа два, до тѣхъ поръ пока подъ окномъ комнаты не послышались голоса людей. Тогда этотъ чловѣкъ стремительно выскочилъ, отряхнулся, причемъ на меня посыпался цѣлый дождь песку, толкнулъ что-то ногой, погрозилъ мнѣ, какъ и въ первый разъ, кулакомъ, улегся на противоположной скамьѣ и въ ту же минуту захралѣлъ. Почти въ то же мгновеніе щелкнулъ въ дверяхъ замокъ и въ комнату вошло нѣсколько чловѣкъ. Они приблизились ко мнѣ и стали меня пристально осматривать. Одинъ изъ нихъ, лучше другихъ одѣтый и стоявшій впереди, спросилъ меня, кто я такой? Но я не услѣлъ еще отвѣтить какъ одинъ изъ стоявшихъ сзади нагнулся, заглянулъ подъ скамью, вскрикнулъ и указалъ что-то другимъ. Меня тотчасъ же подхватили подъ руки, подвѣли со скамьи и отвели въ противоположный уголъ, гдѣ мохнатый мужикъ продолжалъ громко хралѣть. Оказалось что одна изъ досокъ пола была оторвана и нѣсколько приподнята кверху. Ее сняли и подъ ней нашли довольно глубокую яму. Всѣ въ одинъ голосъ закричали: „подколъ, подколъ!“ и стали вопросительно и притомъ враждебно на меня поглядывать. Меня внимательно осмотрѣли, очевидно думая найти какіе-нибудь слѣды на моемъ платьѣ, но платье мое было чисто, за то скамья съ которой меня подвѣли была сплошь усывана пескомъ, и это, какъ нужно предполагать, главнымъ образомъ послужило къ обвиненію меня въ порчѣ пола. И дѣйствительно, кого же другаго они и могли залодозрить какъ не меня? Мой товарищъ ловчидому такъ крѣпко спалъ что даже крики не могли

его разбудить. Меня привели сюда, въ эту самую комнату, и тутъ допрашивали. Я разказалъ все также точно какъ разказалъ и вамъ, но они не хотѣли ничему вѣрить. Я просилъ позволенія написать письмо дядѣ, увѣряя что я не преступникъ, а честный рабочій, но они или смѣялись, или принимались сызнова меня передопрашивать, постоянно ставя мнѣ одинъ и тотъ же вопросъ о моемъ желаніи убѣжать отъ нихъ.

Доксъ замолчалъ и потупился.

Въ это время докторъ, кончивъ свой протоколъ, торопливо собирався въ городъ и пригласилъ съ собою и Докса, обѣщая сдать его не иначе какъ на руки самого Карла Ивановича, и оставляя меня одного продолжать слѣдствіе.

Присутствіе Докса могло оказаться необходимымъ для слѣдствія, но онъ былъ такъ жалокъ что я рѣшился дать ему наконецъ отдыхъ и отпустилъ его. Послѣ разказа онъ ободрился, видя что встрѣтилъ больше довѣрія, да къ тому же его ободряло и присутствіе доктора выказывавшаго ему самое теплое сочувствіе.

II.

Дѣло, какъ оно представилось мнѣ послѣ перваго допроса, было ясно, слѣдовало только позаботиться объ уликахъ, и притомъ возможно скорѣе, немедленно, потому что въ противномъ случаѣ слѣды могли быть скрыты и преступники ушли бы отъ рукъ правосудія.

Одного показанія Докса и присутствія рабы на его рукѣ было еще черезчуръ недостаточно для обвиненія, тѣмъ болѣе что и Доксъ, т.-е. лицо потерпѣвшее, не высказывало прамого подозрѣнія. На категорически поставленный ему вопросъ о цѣли съ какою лѣсникъ ранилъ его онъ отвѣтилъ только предположеніями.

Но тутъ рождался вопросъ: гдѣ именно искать этихъ уликъ? Дѣло происходило безъ свидѣтелей. Глухая ночь да темный боръ только и видѣли эту картину, а они нѣмы и ничего не скажутъ, или по крайней мѣрѣ если и скажутъ, то очень мало. Это путь скользкій. Во всякомъ случаѣ слѣдовало поискать другихъ средствъ къ раскрытію преступленія, но къ несчастію выбора не представлялось.

Въ это время мимо оконъ правленія промчались сами запряженные лихую тройкой и остановились у крыльца.

Въ комнату вошелъ молодой человекъ и отрекомендовался мнѣ мѣстнымъ помѣщикомъ Обрѣзковымъ, заявивъ что желаетъ переговорить со мною по дѣлу. За нимъ внесены были кожаный чѣмъ-то наполненный мѣшокъ и положены у порога. Взглянувъ на этотъ мѣшокъ, я догадался по какому дѣлу прѣехалъ помѣщикъ: мѣшокъ очевидно принадлежалъ Доксу, въ немъ должно было заключаться движимое имущество бѣднаго Готлиба.

Когда мы остались одни, Обрѣзковъ началъ:

— Я долженъ сообщить вамъ, господинъ слѣдователь, о весьма странномъ происшествіи, которое впрочемъ вамъ вѣроятно уже извѣстно....

Онъ пріостановился и помолчалъ.

— Вчера вечеромъ, продолжалъ онъ, видя что я не прерываю его,—ко мнѣ пришелъ мой лѣсникъ и принесъ вотъ этотъ мѣшокъ.

— Не можете-ли вы сообщить мнѣ имя и фамилію вашего лѣсника? спросилъ я.

— Съ удовольствіемъ. Его зовутъ Иваномъ Бобровымъ, онъ изъ отставныхъ. Принесъ этотъ мѣшокъ, онъ заявилъ что нашелъ его въ лѣсу, на межѣ отдѣляющей мой лѣсъ отъ Семигановскаго, и просилъ сохранить до тѣхъ поръ пока не отыщется владѣлецъ. Съ этимъ онъ и ушелъ, оставивъ узелъ въ передней, но часа черезъ полтора пришелъ вторично, и на этотъ разъ я замѣтилъ что онъ встревоженъ. Нужно сказать вамъ, г. слѣдователь, что я знаю этого человека давно, онъ служилъ еще у моего покойнаго отца, и я никогда не видалъ его такимъ разстроеннымъ. У него замѣчательно необщительный и притомъ гордый, независимый характеръ: что онъ сказалъ, то должно быть свято не только для него, но и для другихъ, и для меня даже. Лицо его постоянно неподвижно, точно деревянное, и я никогда не замѣчалъ на немъ никакого движенія. Прочсть въ его глазахъ какую-либо мысль или подмѣтить на лицѣ какое-либо впечатлѣніе положительно невозможно. Оно всегда ровно и темно. Онъ пользуется, какъ человекъ замѣчательно умный, огромнымъ влияніемъ на крестьянъ и, благодаря этому обстоятельству, лорубки въ моемъ лѣсу крайне рѣдки. Его чуть ли не считаютъ колдуномъ. При всемъ томъ онъ человекъ вполне честный и кажется не знающій страха. Однажды онъ доставилъ во дворъ съ полочнымъ, топорами и лошадьми, четырехъ

крестьянъ забравшихся ко мнѣ въ лѣсъ, несмотря на то что они его самого едва не повѣсали. Тогда же этого чело-
вѣка покинуло, очевидно, послѣднее хладнокровіе. Онъ мялся
съ ноги на ногу, мялъ въ рукахъ шапку и вообще держалъ
себя такъ какъ будто онъ вполнѣ растерялся и не знаетъ что
ему дѣлать, такъ что прежде чѣмъ онъ произнесъ слово, я до-
гадался уже что съ нимъ случилось что-нибудь необыкновен-
ное. Съ первыхъ же словъ онъ удивилъ меня сознаніемъ что
принесенный мѣшокъ вовсе не поднятъ имъ въ лѣсу, а остав-
ленъ въ избѣ какимъ-то прохожимъ Нѣмцемъ, который безо
всякой видимой причины убѣжалъ ночью изъ избы въ лѣсъ.
Потомъ онъ съ видимымъ усиліемъ разказалъ что третьяго
дня, вечеромъ, когда уже стемнѣло, онъ повстрѣчалъ этого
Нѣмца заблудившагося въ лѣсу. Онъ пріютилъ его у себя
на ночь, но когда всѣ легли спать и огонь былъ потушенъ,
тотъ внезапно и съ крикомъ сорвался съ постели, вырвалъ
въ дверяхъ крючокъ, на который дверь была залерта изнутри,
и убѣжалъ въ лѣсъ, покинувъ въ избѣ кожаный мѣшокъ и
палку. Онъ прождалъ этого Нѣмца почти сутки, но Нѣмецъ
не возвратился, и онъ принесъ мѣшокъ ко мнѣ. На мой во-
просъ, почему онъ сразу не сказалъ правду, онъ отвѣтилъ
что такъ научила его разказать жена, и онъ ее послушалъ,
но потомъ оломылся и возвратился чтобы разказать все
какъ было и посоветоваться со мной. Я замѣтилъ ему что
тревожиться подобнымъ происшествіемъ положительно не-
льзя, и если дѣйствительно все произошло такъ какъ онъ
говорить, то разъясненіе послѣдуетъ въ самомъ непродолжи-
тельномъ времени и, понятно, безо всякаго для него вреда.
При этомъ я высказалъ ему также свое удивленіе что тако-
го разумнаго и бывалаго челоѣвка могутъ тревожить такіа
вздорныя вещи, но это висколько не повлияло на него. Онъ
отвѣчалъ мнѣ что его беспокоитъ это происшествіе именно
потому что несмотря на свой умъ и на свою бывалость
онъ не можетъ дать происшествію никакого сколько-нибудь
правдоподобнаго объясненія, и эта-то неизвѣстность и пуга-
етъ его. „Встрѣться я съ медвѣдемъ или оидинцомъ, я знаю
кто онъ такой, сумѣю и обернуться около него, а тутъ,
Христось его знаетъ, что оно все значитъ!“ сказалъ онъ мнѣ
уходя. Меня лично происшествіе это тоже ставитъ въ ту-
ликъ, продолжалъ ломѣщикъ, — и я какъ только узналъ о
вашемъ пріѣздѣ, счелъ своимъ долгомъ явиться и передать

вамъ все что мнѣ извѣстно по этому дѣлу. Я очень желалъ бы привести какую-либо пользу Боброву, но если въ этомъ происшествіи кроется какое-либо преступленіе (помѣщикъ оставовплся и волпросительно на меня посмотрѣлъ) и Бобровъ долженъ подвергнуться карѣ закона, то я готовъ предложить свои услуги правосудію и буду спосособствовать раскрытію преступленія.

Скорость и оригинальность предложенія не оставили меня однако и я рѣшился воспользоваться имъ и съ этою цѣлью предложилъ помѣщику нѣсколько вопросовъ. Оказалось что онъ не хуже самого лѣсника знакомъ со своимъ лѣсомъ и потому можетъ привести несомнѣнную пользу при его осмотрѣ, который я рѣшился произвести самымъ тщательнымъ образомъ.

Доктора съ Доксомъ, получившимъ свой мѣшокъ обратно и нашедшимъ все свое имущество въ цѣлости, я послѣдилъ отправить въ городъ, а писаря просилъ доставить мнѣ лошадей для поѣздки въ мѣсъ и позвать Тивькова, долженствовавшаго показать конечный пунктъ ночнаго путешествія Докса, съ котораго я и хотѣлъ начать осмотръ. Обрѣзковъ, какъ и ожидалъ я, любезно предложилъ свои саиды, и я не нашелъ возможнымъ отказаться отъ этого предложенія: крестьянскихъ лошадейокъ по наряду нечего было и ждать ранѣе полутора-двухъ часовъ, между тѣмъ могъ пойти свѣгъ и уничтожить слѣды—можетъ-быть единственную и послѣднюю улику.

Тивьковъ, ражій мужикъ съ русою бородкой на круглой улыбающейся физиономіи, не безъ достоинства занялъ мѣсто на широкихъ козлахъ рядомъ съ кучеромъ, мы съ Обрѣзковымъ помѣстившись сзади, и минутъ черезъ 10 по отъздѣ доктора мчались по наравленію къ лѣсу.

Свѣгъовыя тучи нависли надъ нами. Было тихо, темно и пасмурно, какъ предъ свѣгомъ. Отдѣльныя свѣжинки то и дѣло садивались на наши шубы, на полость саей и на плечи кучера. Казалось свѣгъ собирался съ силой чтобы повалять массою и въ нѣсколько часовъ засыпать не только ничтожные слѣды человека, но и дорогу, и вспаханное поле и мелкій кустарникъ и сравнять все въ одну бѣлую, гладкую, сверкающую поверхность.

Но судьба благопріятствовала намъ, свѣгъ не шелъ.

Подъѣхавъ къ лѣсу, мы оставили дорогу и направилась поемъ вдоль опушки. Постоянные толчки замедляли ѣзду.

Наковецъ Тивьковъ, показалъ намъ тропу, и мы вышли изъ саней. Это былъ слѣдъ сдѣланный двумя людьми—одинъ изъ нихъ очевидно шелъ твердо, широко шагая, другой же сѣменилъ и волочилъ ноги.

Пройдя около полуверсты въ глубь лѣса, слѣды привели насъ къ кусту ельника.

Подъ густыми перелетевшими вѣтвями двухъ елокъ образовался родъ шалаша. Колючая хвоя переколола намъ руки прежде чѣмъ мы успѣли раздвинуть вѣтки и заглянуть туда. Тамъ свѣту было меньше и онъ былъ плотно утолтивъ на пространствѣ около двухъ квадратныхъ аршинъ. Посреди этого утолщающаго мѣста мы увидѣли красное пятно величиною въ ладонь. Окрашенный свѣтъ немного сталъ, и образовалось углубленіе.

Обрѣзковъ вскрикнулъ и указалъ мнѣ на него.

— Это кровь?

— Не знаю, можетъ-быть и кровь, отвѣчалъ я ему.

—Что жь это значитъ? присталъ онъ,—вѣдь это кровь этого Нѣмца?

— Можетъ-быть и его.

Мы вернулись къ тому мѣсту гдѣ Тивьковъ впервые набрелъ на слѣдъ Докса и пошли по слѣду этого послѣдняго. Сначала шаги Докса были умѣренные, но чѣмъ далѣе мы шли тѣмъ разстояніе отъ слѣда до слѣда все увеличивалось,—очевидно онъ бѣжалъ и, подбѣгая къ кусту, силы его постепенно ослабѣвали и онъ свалился около него въ полномъ уже изнеможеніи.

Пройдя около двухъ верстъ я выбралъ особенно отчетливо сохранившіеся два послѣдовательные слѣда правой и лѣвой ноги и смѣрилъ между ними разстояніе, оказалось два аршина и три вершка. Доксъ летѣлъ здѣсь какъ птица. Пройдя еще немного, мы повторили измѣреніе въ разныхъ мѣстахъ, и величина прыжковъ нигдѣ не была менѣе двухъ аршинъ. Замѣчательно какъ живо сохранился въ памяти Докса весь его луть: мы нашли и тѣ два свалившіяся дерева, и тѣ кустарники о которыхъ онъ говорилъ въ своемъ показаніи. Отъ времени до времени съ правой стороны слѣда мы находили на свѣту крупныя капли крови. Доксъ на бѣгу разма-

хивалъ вѣроятво рукой, и потому капли ложились неравно-мѣрно и большая часть ихъ были отброшены въ сторону.

Мы шли уже болѣе часу, а до избы лѣсника, по словамъ сопровождающихъ меня, оставалось еще пройти не менѣе версты. Слѣдовательно Доксъ пробѣжалъ, не останавливаясь и не переводя духа, около четырехъ верстъ, пространство прямо невѣроятное, если не принимать въ соображеніе крайняго напряженія всѣхъ физическихъ и нравственныхъ силъ.

Не былъ ли Доксъ сомнамбулистомъ?

Этотъ вопросъ пришесть мнѣ въ голову совершенно случайно, и въ то именно время когда Тиньковъ, шедшій не много въ сторонѣ отъ насъ, обратилъ наше вниманіе на другой слѣдъ отъ простаго женскаго башмака. Слѣдъ этотъ шелъ параллельно со слѣдомъ Докса, не уклоняясь ни вправо, ни влево. Какая-то женщина интересовалась очевидно тѣмъ же чѣмъ и мы интересовались въ данную минуту. Мы сняли мѣрку съ этого второго слѣда.

Наконецъ, не доходя шаговъ ятисотъ до избы лѣсника, къ этимъ двумъ слѣдамъ присоединился третій, простаго мужичьяго сапога, но дальше уже разобрать всѣ эти слѣды оказалось невозможнымъ, и слѣдъ Докса былъ затоптанъ совершенно.

Мы вышли ко двору, и я принялся за осмотръ избы.

Калитка ведущая во дворъ низкая и узенькая. Ни съ боковъ ея, ни сверху нѣтъ ничего остраго, рѣзущаго и никакихъ признаковъ крови. Въ восьми шагахъ наружная дверь избы и надъ нею маленькое оконце съ лочерывшимъ грязнымъ стекломъ, еле пропускавшимъ свѣтъ въ темныя сѣни. Оно было очевидно давно разбито, и одного уголка вовсе не доставало. Въ третицахъ стекла набилась отъ времени черная пыль, и та же пыль толстымъ слоемъ покрывала лежашіе на подоконникѣ нѣсколько деревяшекъ, тряпку, жестяной саоманный подсвѣчникъ и довольно большой комъ пакли. И эта дверь, также тщательно осматриваемая, не дала ни малѣйшаго подозрѣнія на то чтобы Доксъ могъ обрѣзаться о нее. Осмотръ дверей ведущихъ изъ сѣней въ избу, окна и скамьи въ избѣ дали тотъ же результатъ. Еще предъ дворомъ насъ встрѣтилъ Бобровъ. О нашемъ приходѣ его предупредилъ кучеръ Обрѣзкова, которому вѣрно было вѣдать къ избѣ и ожидать насъ тамъ.

Бобровъ произвелъ на меня непріятное впечатлѣніе. Высокій, стройный, хотя и пожилой уже, съ правильными чертами лица, онъ какъ-то такъ умѣлъ смотрѣть на васъ что забывалась вся его красивая фигура и видѣлись одни только большіе, холодные, свѣтлосѣрые глаза, и умѣлъ больше всматривались вы въ эти глаза тѣмъ менѣе повѣтливо было ихъ выраженіе, тѣмъ неуютнѣе становилось подъ ихъ взглядомъ. Онъ держалъ себя спокойно и съ полнымъ достоинствомъ. Ни калли какого-либо подобострастія или угожденія ни предо мной, ни предъ своимъ баринкомъ. Меня онъ называлъ вашимъ благородіемъ, а Обрѣзкова—по-просту Иваномъ Петровичемъ. Говорилъ громко, съ разстановкой, и во время осмотра никакихъ объясненій не навязывалъ.

— Крючокъ-то покажи! крикнула ему жена, когда мы вошли въ избу.

Онъ молча снялъ съ полки желѣзный дверной крючокъ съ болтавшимся на немъ пробоемъ и подалъ его мнѣ.

— Это Нѣмецъ вырвалъ какъ убѣгъ изъ этихъ самыхъ дверей, пояснилъ онъ какъ бы всхота.

Нужно было имѣть чудовищную силу чтобы вырвать изъ дверей подобный крючокъ.

— Отчего же ты не вбилъ его снова? задалъ ему тонкій слѣдовательскій вопросъ Иванъ Петровичъ.

— Да я было хотѣлъ, да раздумалъ потомъ, какъ бы чего не вышло, спокойно отвѣтилъ ему Бобровъ:—на ночь со старухой коломъ дверь подлирала.

Старуха Боброва, женщина лѣтъ за сорокъ, сидѣла въ темномъ углу избы у печки, и сложа руки пристально насъ оглядывала.

Трудно было подобрать болѣе подходящую лару: эта старуха, въ сущности еще и не старая, со своею поражающею худобой при высокомъ ростѣ, съ выдавшимися скулами и впалыми глазами, была еще несимпатичнѣе своего мужа. На сканьѣ подсудимыхъ это супружество могло доставить неоптимальный матеріалъ для прокурорскаго краснорѣчія.

Я продолжалъ слѣдствіе и попросилъ Боброва показать мнѣ его ружье.

Какая-то молвія мелькнула въ его глазахъ при этой просьбѣ. Что это, изумленіе или услуги? Но молвія погасла также скоро какъ и явилась, лицо приняло обыкновенное, безстрастное выраженіе, и Бобровъ не выдавъ мнѣ своего чувства. Онъ спокойно снялъ съ гвоздя и подалъ мнѣ свое

ружье. Оно было двухствольное. Левый стволъ внутри былъ чистъ и, не поддаваясь сомнѣнью, изъ него давно уже не стрѣляли, но внутренность праваго была замѣтно чернѣе. Всунувъ палецъ и потеревъ его о стѣнку, я вынулъ его слегка замазаннымъ: выстрѣлъ изъ этого ствола былъ сдѣланъ на дняхъ, и стволъ былъ вытертъ потому, но часть пороховой гари осталась еще на немъ.

— Оно заряжено? спросилъ я Боброва.

— Заряжено.

— Оба ствола?

— Левый только.

— Чѣмъ?

— Пулей.

— Извините, Бобровъ, я долженъ лишиться васъ на нѣкоторое время этого ружья. Я долженъ взять его съ собой.

— Какъ угодно-съ!

Я вышелъ изъ избы. Влѣво видѣлась прямая тропинка, протоптанная нами и Бобровыми по сѣду Докса. Вправо и влѣво отъ нея близко стояло нѣсколько сосенъ.

— Мнѣ бы хотѣлось отыскать въ соснахъ вотъ по этому направлению пулю,—сказалъ я громко, съ намѣреніемъ чтобы Бобровъ меня слышалъ:—пойдемте, Иванъ Петровичъ, поцѣмъ, отправляйтесь и вы, Тивьковъ.

— Напрасно трудиться изволите, ваше благородіе, отозвалась изъ-за моей спины Бобровъ,—тамъ пули нѣтъ, а въ створкѣ немного, вонъ въ этой соснѣ корявой, точно есть пуля; пожадуйте, покажу.

Во ста двадцати шагахъ отъ калитки и въ двадцати отъ сѣда Докса въ дуластой, корявой соснѣ, на высотѣ груди, онъ указалъ намъ отверстіе. Пуля засѣла почти на вершокъ. Я попросилъ вырубить ее изъ дерева, и Бобровъ крикнулъ жень, вышедшей въ это время изъ дома, подать топоръ.

Мнѣ очень хотѣлось увидать и осмотрѣть этотъ топоръ, но я не хотѣлъ обращать на этотъ осмотръ вниманіе Боброва и окружавшихъ.

— Остеръ ли? спросилъ я Боброва, когда посаженный взялъ изъ рукъ жень привесенный ему топоръ.—Покажите!

— Остеръ, ваше благородіе, по нашему дѣлу безъ остраго топора никакъ нельзя! отбѣчалъ онъ и подалъ его мнѣ.

Одного взгляда на обѣ стороны лезвія было достаточно чтобы не сомнѣваться въ полномъ отсутствіи на немъ крови.

Толоръ былъ чистъ и даже блестящъ. Я попробовалъ лезвіе, оно было остро какъ бритва.

— Правда ваша, очень острый! замѣтилъ я, возвращая толоръ обратно.

Пулю Бобровъ досталъ безо всякаго труда.

— Это ты ее сюда всадишь? спросилъ его Обрѣзковъ.

— А то кто же? Известно, я. Машинка у меня испортилась, пули кривыя выливаются; я одну обточилъ ножомъ, да и попробовалъ, ладно ли будетъ. Ничего, ладно.

— Чтò жь ты мнѣ не скажешь? Подай твою машинку, а прикажу ее исправить.

— Покорнѣйше благодаримъ.

И Бобровъ направился къ двери.

— Если вретъ, сейчасъ узнаемъ, шелгулъ мнѣ Обрѣзковъ, входя совершенно въ роль слѣдователя.

Но машинка оказалась дѣйствительно испорченною.

Другой пули, несмотря на самые тщательные поиски, намъ не удалось найти. Прашалось удовольствоваться этою одною. Больше въ избѣ Боброва не оставалось ничего дѣлать. Нужно было прослѣдить еще лѣсомъ до пункта первой встрѣчи Докса съ Бобровымъ, и я высказалъ это желаніе Боброву, прося показать мнѣ это мѣсто.

— Пожалуйте-ся, недалеко отсюда, согласился тотъ,— да и лѣшкомъ идти не нужно, тамъ вездѣ можно и проѣхать.

Онъ усѣлся на козлы, а Тяпковъ приютился сзади на узкихъ залыткахъ, и мы тронулись. Нужно было слѣшить, такъ какъ начинало уже смеркаться.

Я просилъ Боброва придерживатьсь возможно ближе той дороги по которой онъ шелъ съ Доксомъ, и Бобровъ исполнилъ мою просьбу. Я ни разу не выпустилъ изъ виду слѣдующую имъ тропинку и все время наблюдалъ ее, различая явственно слѣды салога Докса то рядомъ, то на слѣду подбитаго толстыми гвоздями салога Боброва.

Мѣстность была описана Доксомъ совершенно вѣрно. Я увидѣлъ послѣдовательно и мелкій лѣсъ, и раздѣляющія его отъ болѣе крупаго двѣ поляны, и съ правой стороны ту просѣку которую онъ, идя напротивъ, видѣлъ слѣва. Вскорѣ мы выѣхали на широкую тропинку, и слѣды на ней пропали, затоптанные множествомъ другихъ.

— Вотъ на этой самой дорогѣ, немного подалѣ, мы и пострѣчались съ нимъ, сказалъ Бобровъ, — вотъ на этомъ

самомъ мѣстѣ, продолжалъ онъ минутой спустя, — когда мы поравнялись съ прѣмъ стоявшимъ вблизи тропинки. Вотъ тутъ я сидѣлъ, — указалъ онъ на пеня, — а онъ оттелева шелъ. Какъ поравнялся со мной, я всталъ, а онъ какъ шархнется въ сторону, да въ кустъ, вонъ въ этотъ самый, вонъ и снѣгъ помятъ въ кустъ: служалъ я его, видно. Чего, говорю, лужаешься, я—свой, тутешній значить сторожъ, а онъ такъ и трясется, да потомъ ничего, лоуспокоился.—Куда тебѣ, спрашиваю, Богъ несетъ?—Въ Л. говоритъ, къ дядѣ, али къ дѣду какому-то, не разобралъ я толкомъ.—Какъ же это, говорю, Нѣмчура, ты въ Л. попасть хочешь, а отъ него уходишь! Тебѣ, говорю, какъ разъ назадъ дорога, да до Л. тебѣ сегодня не дойти, такъ леромочуй у меня, за постой да за ложку щей денегъ не возьмемъ. Онъ было не хотѣлъ идти, да потомъ пошелъ.

Бобровъ разказывалъ спокойно и какъ бы нехотя. Я всматривался въ его лицо, но оно было невозмутимо. Въ голосѣ тоже не прозвучало ни одной тревожной нотки.

— А куда ведетъ эта дорога? спросилъ я его неожиданно и почти въ упоръ.

Но я ошибся въ моемъ разчетѣ: та молнія которую замѣтилъ я на лицѣ Боброва при требованіи ружья вторично не появлялась, даже тѣни не скользнуло. Онъ спокойно отвѣтилъ:

— Въ Семигановское село, ваше благородіе, недалеко отсюда—съ полверсты, не болѣе будетъ.

III.

. На обратномъ пути въ Устьумское волостное правленіе, куда я въ видѣ послѣдняго одоженія просилъ Обрѣзкова подвезти меня, я перебиралъ въ умѣ всѣ удики которыя собрались противъ Боброва, и пришелъ къ положительному заключенію въ необходимости привлечь его къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго.

Оговоръ Докса, тѣмъ болѣе убійственный для Боброва что онъ заявленъ былъ первоначально не положительно, а условно, подтвердился лотомъ другими обстоятельствами: свѣжая рана Докса, кровь въ томъ мѣстѣ гдѣ онъ лежалъ, полное отсутствіе всего рѣжущаго на всемъ пути отъ скамьи до куста изъ котораго Доксъ былъ вытащенъ Тильковымъ, калма кровь на всемъ этомъ пути, свѣже-выстрѣлившее ружье

и пуля въ деревѣ въ двадцати шагахъ отъ слѣда Докса, что на разстояніи боѣе ста шаговъ, да притомъ ночью, соотвѣтствовало обыкновенному промаху, и наконецъ то обстоятельство что Доксъ дѣйствительно не заблудился, а былъ всего въ полуверстѣ отъ Семигамова въ то время когда встрѣтился съ Бобровымъ и былъ увлеченъ послѣднимъ въ свой домъ—всѣ эти улики безусловно навлекали на него, а можетъ-быть и на жену его, тяжкое обвиненіе въ локушеніи на убійство съ цѣлью ограбленія. Еслибы даже допустить что Доксъ вскочилъ и убѣжалъ изъ избы въ припадкѣ сомнамбулизма, то припадокъ этотъ могъ начаться только въ избу; чѣмъ же объяснить ошибку Докса, отвѣтствующаго на вопросъ Боброва что онъ идетъ въ Л., а не изъ Л. въ Семигамовскъ?

Хорошее расположеніе духа, не покидавшее кажется никогда Тивькова, не покидало его и теперь. Онъ всю дорогу тараторилъ то съ кучеромъ, то съ нами, ёрзая на козлахъ во всѣ стороны. Особенно онъ оживился когда мы выѣхали изъ лѣса.

— Ну, теперь Чортъ Иваннычъ должно заблагодумствовалъ ужъ! замѣтилъ онъ, ли къ кому собственно не обращаясь, а такъ, на воздухъ.

— Кто это Чортъ Иваннычъ? полюбилъствовалъ я.

— А Иванъ Иваннычъ, лѣсникъ ихній, Бобровъ-отъ.

— Почему же вы его чортомъ называете?

— Не я, ваше благородіе, а это у насъ на селѣ его такъ величаютъ.

— Да почему же?

— Говорятъ, онъ лѣшему сродни приходится. Вмѣстѣ дѣла разныя обдѣлываютъ; только не онъ у лѣшаго, а лѣшій у него на посылакахъ служить.

— Отчего же онъ долженъ теперь благодумствовать?

— А какъ же! Онъ христіанскаго духу не любить, а тутъ злова сколько народу наѣхало! Его всегда мутитъ какъ хрестъ около него близко. А теперь ему раздолье,—окромя лѣшаго, друга сердечнаго, никого-то около него нѣтъ, вотъ ему это и въ удовольствіе. А дружба между ними большая, они и деньги вмѣстѣ дѣлаютъ.

— Будто? Развѣ Бобровъ богатъ?

— И... и, страсть! Одно слово кащей. Скажи ему сегодня Царь: Бобровъ, подай мнѣ сто тыщей рублей—на утро всѣ

бы приволокъ изъ лѣсу,—это у нихъ живо дѣлается. Да что и говорить,—продолжалъ Тивьковъ воодушевляясь,—они вѣдь и лѣсъ-то стерегутъ вмѣстѣ, оттого и порубокъ у ихъ милости никогда не бываетъ. Чортъ Ивановичъ дома прохлаждается, а самъ-отъ ходитъ по лѣсу да сторожить. Чортъ Ивановичъ выйдетъ—лѣшій въ тѣ поры прамехомъ въ его избу валитъ, да съ его женой и хороваются. Бобриха, бають, и высохла такъ отъ того что лѣшаго къ себѣ припустила.

— И не стыдно тебѣ, Тивьковъ, такой вздоръ городить! попробовавъ усовѣстить его Обрѣзковъ.

— Не я, батюшка Иванъ Петровичъ, а люди, люди такъ бають, и я за ними, потому отъ людей никакъ не отстанешь!

— Но какъ же лѣшій лѣсъ стережетъ? спросилъ я Тивькова, желая дослушать до конца мнѣніе крестьянъ о Бобровѣ.

— Самъ-то пропустить и въѣхать и выѣхать, а какъ рубить учнуть, такъ и вѣтеръ подниметь, гулъ по верхамъ луститъ, чтобы не слышно было, да только отъ дерева этого добра не жди: либо съ телѣги свалится да ногу мужику или лошади переломитъ, либо загорится ни въсть съ чего. А не то такъ ставеть виву обходить. Однова, бабы бають, были овѣ на живьѣ, овесъ сбиралъ, видять—выходитъ волкъ изъ лѣсу, да давай рогами снопы изъ колемъ расшвыривать....

— Волкъ? Рогами?

— Такъ-съ точно.

— Да развѣ у волка есть рога?

Тивьковъ засмѣялся.

— У настоящего-то, что скотину рѣжетъ, вѣстимо нѣтъ, а у этого, что колны переворачивалъ, подлинно были—бабы видѣли. Овѣ со страху тамъ гдѣ были тамъ и поприсѣдали, а овѣ какъ обошелъ такимъ маверомъ всѣ колны, такъ потомъ изъ восьми коленъ и горсточку овса не выбрано, начисто, значить, вымолотилъ! Вотъ овѣ, волкъ-отъ каковъ! А все почему? Ависима брату бревешко повадилось избу поладить. Ависимъ по родству и помощи брату дешевымъ лѣскомъ раздобыться, да овса потомъ и не досчитался. Самъ потомъ ихъ милости винылся.

Тивьковъ помолчалъ немного.

— Правда ли, баринъ, — вдругъ обратился овѣ ко мнѣ съ вопросомъ, что они хотѣли Нѣмца этого къ себѣ прилучить?

— Какъ прилучить?

— Такъ, своимъ сдѣлать. Надобно, сказываютъ, семь тайнъ

узнать, и въ тѣ поры добудется человѣку сила какъ у нечестнаго. Вотъ они и стали ему ихъ показывать, да Нѣмецъ и третьей не вытерпѣлъ, даромъ что креста на немъ нѣтъ, ошаргалъ и въ кусть забился?

Страшно иногда складывается общественное мнѣніе. Протявъ Боброва предъявляемо было прямое обвиненіе въ покушеніи на убійство, а общественное мнѣніе, болѣе чѣмъ недружелюбное къ нему, отвергло это обвиненіе и приписывало все одной и той же сверхестественности!

— Они и руку ему порѣзали, продолжалъ Тивьковъ, для того чтобъ онъ кровью своей кабалу имъ на себя писалъ....

Подѣхавъ къ правленію, я засталъ тамъ лоджидавшаго уже меня волостнаго старшину и передалъ ему двѣ повѣстки: одну о призывѣ къ свидѣнію въ качествѣ свидѣльницы жены Боброва, а вторую—о *приводѣ* самого Боброва, или, что одно и то же, отдалъ приказъ объ его арестованіи.

Уже былъ вечеръ. Вѣсть мнѣ хотѣлось страшно, отдохнуть тоже, но ни о томъ, ни о другомъ нечего было и помышлять, ло крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ. Надо было изготовить протоколы осмотра, допросить Тивькова, составить мотивированное постановленіе о привлеченіи Боброва къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго. Колию этого постановленія Бобровъ могъ каждую минуту у меня потребовать и обжаловать ее въ судѣ. Кромѣ того, онъ могъ потребовать и копи со всѣхъ прочихъ документовъ находящихся въ дѣлѣ; свидѣтельно нужно было чтобъ эти документа ко времени допроса Боброва (а допросъ этотъ я назначилъ на утро слѣдующаго дня) дѣйствительно тамъ находились, и притомъ не только съ моею подписью, но и съ подписью полатыныхъ, т.-е. Обрѣзкова и Тивькова. Все это вынуждало меня вмѣсто отдыха и ѣды засѣсть тотчасъ же за работу и постараться окончить ее какъ можно скорѣе. Я отпустилъ моихъ полатыныхъ обѣдать и просилъ ихъ вечеромъ явиться снова. Но Обрѣзковъ простеръ свою любезность до того что прислалъ своего человѣка съ самоваромъ, булками и блюдомъ холоднаго жаркаго, которое я и послѣдшій уничтожить безъ церемоніи въ сосѣдней комнатѣ волостнаго писаря, куда-то отлучившагося.

Никѣмъ не тревожимый и не ощущая уже волчьаго голода, я окончилъ работу скоро и къ двѣнадцати часамъ ночи, измученный, возвратился домой, бросился въ постель и заснулъ какъ убитый.

Утромъ меня разбудилъ мой участковый товарищъ прокурора Шило.

Получивъ такое же безтолковое донесеніе о происшествіи съ Доксомъ какъ и я, онъ пришелъ узнать о положеніи дѣла. Ничто бы конечно не пострадало еслибъ онъ явился и часами двумя-тремя поздѣе, но для такой безлокойной натуры, какою Богъ наградилъ этого блюстителя правосудія, терпѣніе было также чуждо какъ и снисхожденіе. Онъ готовъ былъ каждую минуту обвинять всѣхъ и все, исключая, конечно, собственныхъ прегрѣшеній, которыхъ у него было не мало и которыхъ онъ, къ несчастію, вовсе не замѣчалъ.

Непріятнѣе всего въ этомъ раннемъ посѣщеніи было то что допросъ Боброва долженъ будетъ производиться въ его присутствіи, и Бобровъ неминуемо подвергнется разнымъ нравственнымъ заушеніямъ, на которыя мой товарищъ прокурора никогда не скулился, тѣмъ болѣе что они ему ровно ничего не стоили.

Еще при входѣ Боброва въ камеру Шило уже преобразился: волосы взбились кверху, брови сдвинулись, а физиономія такъ и говорила о строжайшемъ допросѣ.

Бобровъ холодно поклонился мнѣ и остановилъ глаза на этой фигурѣ неистово бѣгавшей назадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ очевидно колебался, не зная слѣдуетъ ли отвѣсить поклонъ и ей, или нѣтъ.

— Это господишь товарищъ прокурора, началъ я мою рекомендацію,—они пожелаали присутствовать при вашемъ допросѣ, Бобровъ, и если имъ угодно будетъ спросить васъ о чемъ-нибудь, то по закону вы обязаны имъ отвѣчать такъ же точно какъ и мнѣ.

Шило остановился, заложилъ руки въ карманы лянталовъ, вытянулся во весь ростъ и надменнымъ взоромъ окинулъ Боброва. Едва замѣтная, почти неуловимая улыбка мелькнула въ глазахъ послѣдняго.

— Слушаю-съ! тихо произнесъ онъ и низенько поклонился. Въ этомъ поклонѣ мнѣ почувалась насмѣшка, такъ онъ былъ низокъ.

— Васъ арестовали, Бобровъ, и привели сюда, началъ я,—потому что на васъ ладасть обвиненіе въ покушеніи на убійство. Но прежде чѣмъ спросить васъ—признаете ли вы себя виновнымъ въ этомъ преступленіи, я долженъ вамъ объяснить ваши права и обязанности по этому дѣлу. Если вы найдете

что привлечены къ дѣлу неправильно, или что съ вами по-ступлено не по закону, то въ такомъ случаѣ можете всегда жаловаться на мои дѣйствія и на дѣйствія полиціи въ судъ. Если вы захотите имѣть копію съ какого-нибудь протокола или документа, или даже и со всего дѣла, то я обязанъ вы-дать вамъ все бесплатно.....

— Это мнѣ кажется лишнимъ, онъ у васъ сейчасъ и по-просить копію со всего дѣла, шеллауль мнѣ Шило,—зачѣмъ объяснять, когда онъ и безъ объясненій долженъ знать,—невѣдѣніемъ закона отговариваться нельзя!

Незваніемъ закона мой товарищъ прокурора былъ грѣшенъ прежде другихъ. Въ этомъ я неоднократно убѣдился изъ нѣ-которыхъ его предложеній, не только безтолковыхъ, но и прямо противозаконныхъ. Шелотомъ объяснилъ я ему что дѣлаю это для собственнаго спокойствія....

Я продолжалъ:

— Если по вашимъ соображеніямъ, отвѣчая на какой-нибудь изъ предложенныхъ мною вопросовъ, вы найдете что отвѣтъ можетъ повредить вамъ, то вы можете вовсе не отвѣчать, и принуждать васъ къ этому я не имѣю права. Наконецъ, я долженъ предупредить васъ что показаніе ваше мною бу-детъ записано въ протоколъ, и этотъ протоколъ я прочту. Если вы найдете что онъ написанъ правильно, съ вашихъ словъ, то вы его подпишете, въ противномъ случаѣ я сдѣлаю въ немъ оговорки и поправки какія укажете. Вы можете требовать записать въ протоколъ все что найдете для себя нужнымъ.

Бобровъ слушалъ какъ бы исполняя какую-то формальность.

Я сталъ читать постановленіе, въ которомъ сгруппированы были въ сжатомъ видѣ всѣ улики наканунѣ собранныя мной противъ него и послужившія основаніемъ къ его обвиненію. Чтеніе это онъ слушалъ внимательно, иногда даже останавливалъ меня и просилъ повторить недослышанное. Но когда я дошелъ до того мѣста гдѣ сопоставлялось показаніе Док-са съ результатами осмотра, Бобровъ встрепенулся на ми-нуту, и я снова замѣтилъ знакомый уже мнѣ недобрый блескъ свѣтлостврыхъ глазъ.

— Какъ такъ, и стрѣлялъ, и топоромъ швырялъ? Что онъ вретъ, проклятый Нѣмецъ!

— Выразайтесь вѣжливѣе! прикрикнулъ на него Шило.

— Виноватъ, ваше высокоблагородіе, неволью сорвалось.

Сдѣлайте милость,—обратился онъ ко мнѣ,—можно мнѣ съ вами на очную ставку стать, пусть онъ мнѣ это въ глаза скажетъ!

— Извольте, согласился я,—но только, мнѣ кажется, для васъ это будетъ вполне бесполезно. Онъ повторитъ только то что уже есть въ дѣлѣ, да къ тому же онъ вовсе и не обвиняетъ васъ. Показалъ же онъ мнѣ вотъ что.

И я отъ начала до конца прочелъ показаніе Докса, а вслѣдъ за нимъ и протоколы осмотра. Они его поразили. Онъ молчалъ. Тогда предъ нами развернулась живая картина страшнаго внутренняго отчаянія. Разомъ обрушившееся несчастіе ломало, гнуло, коверкало могучую волю этого человѣка.

Войдя въ камеру, Бобровъ очевидно надѣялся на что-то, что-то еще поддерживало, можетъ-быть убѣжденіе въ отсутствіи свидѣтелей, въ бездоказательности преступленія,—трудно было угадать истину,—но теперь Бобровъ на моихъ глазахъ осѣдалъ какъ-то, пропадали мощь и энергія, которыми такъ и дышало все его существо, гордая, красивая голова опускалась на грудь, а лицо вытягивалось и сѣрѣло.

Даже прокуроръ притихъ предъ этою великою скорбью и пересталъ барабанить пальцами по столу. Мучительное молчаніе воцарилось въ камерѣ и длилось долго. Нужно было наконецъ прервать его, и я спросилъ:

— Что же, хотите очную ставку?

Бобровъ поднималъ на меня глаза. Даже и въ эту ужасную минуту глаза были тѣ же что и наканунѣ, лишь тотъ недобрый блескъ, который я подмѣтилъ прежде, теперь какъ бы застылъ въ нихъ и сдѣлалъ ихъ еще непривлекательнѣе. Онъ или не слышалъ, или не понималъ моего вопроса. Я повторилъ.

— Не желаю! тихо произнесъ онъ.—Вотъ что, ваше благородіе, заговорилъ онъ секунду спустя, громко и твердо, но въ голосѣ его слышалась хрипота:—по-нашему, по-военному, съ ловинной головы полвины скидывается, а по вашему закону такъ ли будетъ?

Онъ не пересталъ меня удивлять. Я ни въ какомъ случаѣ не предполагалъ его способнымъ на торговлю съ правосудіемъ, но не было никакого сомнѣнія: онъ дѣйствительно торговался.

Я прочелъ ему статьи Уложенія.

— Можно ли, ваше благородіе, погодить съ допросомъ? Я бы.....

Но Шило не даѣ ему договорить.

— Ну, это ужъ сущіе пустяки! протянулъ онъ въ носъ, — только проволочка и больше ничего... Развѣ такъ трудно со-зваться? Виновать, — и конецъ. Вы слышали же: для васъ же легче будетъ... вы таяете эти разговоры уже болѣе часу! И онъ нервно выдернулъ изъ кармана часы, заглянулъ въ нихъ и быстро сунулъ назадъ.

Бобровъ выпрямился.

— Для васъ-то, тихо заговорилъ онъ, глядя въ упоръ на Шило, — оно можетъ и вправду пустяки сущіе, да для меня-то не пустяки; тутъ вѣдь вся жизнь моя рѣшается, есть о чемъ подумать.

Шило опустилъ глаза и поблѣднѣлъ.

— Чего же вы хотите? уже гораздо мягче спросилъ онъ.

— Подумать надобно какъ быть. Сдѣлайте милость, ваше благородіе, повремените съ допросомъ хоть до вечера! обратилъ онъ ко мнѣ.

Я посмотрѣлъ на Шило. Но тотъ не обращалъ уже никакого вниманія ни на Боброва, ни на меня и прилежно разсматривалъ картинку валявшася на столѣ иллюстрированнаго журнала.

— Хорошо, Бобровъ, отложимъ, согласился я, и Бобровъ поклонился и вышелъ изъ камеры.

— Грубъ же этотъ лѣсвой медвѣдь, замѣтилъ ему вслѣдъ Шило, — наставленія вздумалъ мнѣ читать!

И Шило подумалъ о чемъ-то и засмѣялся.

Между тѣмъ я вспомнилъ что въ передней, куда вышелъ Бобровъ и гдѣ ожидали его конвойные, находилась и его жена, вызванная мною для допроса въ качествѣ свидѣтельницы. Въ интересахъ дѣла нельзя было допускать между ними свиданія, и я быстро вышелъ вслѣдъ за нимъ.

— Бобровъ, позвалъ я его, — пожайдите-ка сюда на минутку!

— Я забылъ вамъ сказать что до допроса вы будете помѣщены въ тюрьмѣ отдѣльно отъ прочихъ арестантовъ, сообщилъ я ему, когда дверь изъ передней затворилась за нимъ, — но послѣ допроса васъ переведутъ въ общую. Тѣмъ не мѣнѣе, до окончанія слѣдствія вы не будете видѣться съ вашей женой. Если хотите проститься, то я позволю ее сюда, но прощу васъ ничего не говорить о дѣлѣ.

— Слушаю-съ, покорнѣйше благодаримъ!

Я ввелъ въ камеру жену.

Они долго стояли и какъ бы недоумѣвая смотрѣли другъ на друга. Бобровъ заговорилъ первый.

— Прощай, Матрена, въ тюрьму иду!

— Какъ въ тюрьму? воскликнула Матрена и лобгровѣла отъ прихлынувшей къ лицу крови.

— Такъ вотъ, ихъ благородіе...

— За что ты его въ тюрьму содишь? что онъ такое сдѣлалъ? накинулась она вдругъ на меня.

— Погоди, Матрена, тихо оставивъ ее мужъ,—не ихъ благородіе сажаетъ меня въ тюрьму, а законъ, а ты лоблагодари ихъ за то что дозволялъ намъ съ тобою тутъ свѣдѣться.

Матрена овѣмѣла на минуту и затѣмъ какъ сволъ грохнулась къ ногамъ мужа.

— Батюшка ты мой, Иванъ Ивановичъ, правду ли говоришь? простонала она и обвила руками его колѣни. Слезы градомъ брызнули изъ ее глазъ.

— Встань, Матрена, не хорошо! говорилъ надъ нею мужъ, и голосъ его сталъ еще глуше.—Воля Господня... ло грѣхамъ нашимъ... не ролщи на Бога... встань...

Сдерживая дрожавшія въ горлѣ рыданія, Матрена подвѣлась съ пола и закрыла лицо. Сквозь пальцы однако сочилась одна за другою крупныя капли и падали на полъ. Она вздрагивала.

— Прошу тебя, заговорилъ Бобровъ,—перво-наперво сходи къ Ивану Петровичу. Поклонись ему на моей двѣнадцатилѣтней службѣ и проси расчета. Слѣдуетъ мнѣ ровно шестьдесятъ рублей. Затѣмъ сходи къ Давылычу, расскажи ему о нашемъ горѣ, и проси, коли не можетъ всехъ отдать, пусть отдастъ половину, а какъ и половину не можетъ, то проси избенку старую пусть на житье тебѣ отдастъ, все равно продавать на сломъ хотѣлъ. Въ Устьюмъ не ходи, а приходи въ городъ и тутъ живи пока что. Къ Свѣгирихѣ да къ Архилу не ходи, а лучше не проси, сами жъ если принесутъ, такъ возьми. Давылыча еще проси ло веснѣ, за озимями бы присмотрѣлъ.

Копчивъ свое наставленіе, онъ твердою рукой перекрестилъ плачущую жену, обнялъ ее и быстро вышелъ изъ комнаты, не взглянувъ ни на меня, ни на товарища прокурора... Я поглядѣлъ его движеніе и вышелъ вслѣдъ за нимъ, торопя конвойныхъ поскорѣе увести его изъ камеры, но наружная дверь

услѣва лишь отвориться какъ до насъ долетѣлъ изъ другой комнаты свачала стонъ, а потомъ стукъ грохнувшагося объ полъ тѣла. Бобровъ не могъ не слышать. Онъ приостановился на одну секунду, но потомъ ринулся къ двери и почти выбѣжалъ на лѣствицу.

Я повернулъ въ камеру и чуть не столкнулся съ блѣднымъ, слегка дрожащимъ прокуроромъ.

— Чортъ знаетъ что такое, эта баба въ обморокъ что ли упала! растерянно бормоталъ онъ.

Матрена дѣйствительно лежала въ глубокомъ обморокѣ, и мнѣ съ помощью прислуги стоило не мало труда привести ее въ чувство. Ее бережно отвели въ кухню и тамъ уложили.

— Гаупа баба совсѣмъ перепугала меня! восклицнулъ Шило, прощаясь съ мной въ передней.

Съ „гаупою бабой“ происходила однако что-то серьезное. Послѣ непродолжительнаго отдыха обморокъ возобновился и затѣмъ перешелъ въ бредъ. Позванный, знакомый уже намъ, докторъ далъ ей лѣкарство, и она заснула, но сонъ былъ непродолжительный и безлокойный; больная металась. Вечеромъ добрый старикъ навѣдался снова и перемѣнилъ лѣкарство; больная стала тише, и ночь провела спокойно, но на утро была такъ слаба что подвергать ее допросу я не рискнулъ. Она изъявила желаніе отправиться къ роднымъ въ деревню, куда и уѣхала, пообѣщавъ, какъ только оправится, явиться ко мнѣ безъ вызова.

IV.

Допросъ Боброва назначенъ былъ, по желанію Шило, въ девять часовъ утра. Я зналъ что такъ рано онъ не явится и что этотъ ранній часъ онъ назначилъ собственно для того чтобы показать свою служебную ревность, о которой онъ говорилъ всегда съ особымъ удовольствіемъ, а потому я и распорядился о приводѣ Боброва къ десяти часамъ. Но пробило одиннадцать, пробило и двѣнадцать, а прокуроръ мой все еще не приходилъ. Начать допросъ безъ него я не рѣшался. Можно было нажать себѣ массу неприятностей; онъ могъ обрушиться на меня цѣлымъ потокомъ выраженій, въ родѣ: „не потерплю впредь“, „не могу не поставитъ на видъ неумѣстность“ и т. под., а выслушивать это я не имѣлъ никакого желанія.

Наконецъ уже въ первомъ часу оглушительный звонокъ возвѣстилъ его прибытіе.

— Я, кажется, опоздалъ немного, сказалъ онъ, здороваясь со мною.—Вы еще не начинали?

— Нѣтъ, васъ пождали.

— А, хорошо.... такъ допрашивайте.

И онъ безъ церемоніи усѣлся на мое мѣсто.

Я взялъ стулъ и помѣстился съ края стола.

— Пожалуста, только покороче, я сегодня обѣдаю у прокурора, такъ знаете, некогда. Пожалуста, покороче.

Ввелъ Боброва.

Взглянувъ черезъ плечо на него, я ужаснулся. Предъ нами стояла тѣнь прежняго Боброва. Въ одну ночь онъ сгорбился и посѣдѣлъ совершенно. Лицо осунулось и покрылось морщинами, углы рта огустились и обрзовали складки. Одни глаза остались прежними, только глубже сидѣли въ своихъ орбитахъ и получили оттѣнокъ недоумѣнія. Въ одну ночь отъ молодца Боброва осталась одна дряхлая развалина. Велики были страданія, велики были и душевные силы этого человѣка, если смогли въ одну ночь такъ измѣнить его!

Что сказалъ бы Тивьковъ, увидавъ теперь такъ лугавшаго его прежде Чорта Иваныча?

Я взглянулъ на Шило: его также удивила перемена въ Бобровѣ, но такъ какъ удивила бы совершенно неожиданная встрѣча со старымъ пріятелемъ, въ которой онъ однако особаго удовольствія не ощущалъ.

Послѣ первыхъ вопросовъ объ имени, званіи, религіи и пр., причемъ оказалось что ему уже пятьдесятъ шесть лѣтъ, я обратился къ нему съ вопросомъ:

— Признаете ли вы себя виновнымъ въ томъ что въ ночь съ одиннадцатаго на двѣнадцатое число это мѣсяца, въ лѣсу принадлежащемъ помѣщику Обрѣзкову, вы, повстрѣчавъ саксонскаго подданнаго Готтлиба Докса, обманомъ завлекли его въ свое жилище, и тамъ, видя что онъ убѣгаетъ отъ васъ, выстрѣлили въ него изъ ружья, а затѣмъ ранили топоромъ съ цѣлю лишить его жизни и воспользоваться его имуществомъ, но не привели своего намѣренія въ исполненіе лишь по независѣвшимъ отъ васъ обстоятельствамъ?

— Признаю.

Это „признаю“ не было сказано ртомъ: оно вышло у Боброва изъ груди, изъ всего его существа.

— Ну, вотъ и прекрасно! засмѣялся Шило,—видите, это вовсе не такъ трудно, да и для васъ полезнѣе: меньше въ тюрьмѣ сидѣть будете; а тамъ дѣло кончится—и на Сахалинъ, потому что теперь каторжныхъ въ Сибирь уже не посылаютъ.

Онъ мстилъ Боброву за вчерашнее замѣчаніе.

Бобровъ быстро подвѣялъ голову. Брови его сдвинулись. Онъ напомнилъ мнѣ прежняго Боброва. Среди наступившей тишины тихо, но торжественно раздался его отвѣтъ:

— Молодъ ты еще, баринъ, мнѣ, старику, указывать что легко, а что тяжело. Не выдывалъ ты лютаго горя, да и гдѣ тебѣ его увидѣть! А что до того, куда по плоть, такъ по мнѣ все единственно, въ тюрьмѣ ли, на каторгѣ ли свой вѣкъ доживать.

Шило позеленѣлъ.

Бѣдный Бобровъ очевидно не зналъ что онъ вполнѣ въ его власти, такъ какъ послѣдній завѣдывалъ тюрьмой и слѣдовательно всегда имѣлъ возможность вымѣстить на немъ свою досаду.

Я ухватился за единственный предлогъ избавиться наконецъ отъ Шила и торопливо вынулъ часы.

— Вы опоздаете навѣрное, сказалъ я ему;—уже два часа, а долпросъ, въ виду признанія, будетъ длинный. Если позволите, я попрошу его безъ васъ.

— Да, да, пожалуста, мнѣ дѣйствительно некогда! отвѣтилъ онъ, видимо обрадованный моимъ предложеніемъ, и вдругъ заторопился уходить.

Черезъ минуту его уже не было въ камерѣ. Но уходя онъ обратился къ Боброву и произнесъ:

— А съ тобой, братецъ, мы еще увидимся!

Не знаю, появлялъ ли Бобровъ истинный смыслъ этихъ словъ, но у меня не хватило духу объяснять ихъ.

Съ признаніемъ Боброва дѣло о покушеніи на убійство Докса теряло свой интересъ. Оно становилось похожимъ на десятки другихъ дѣлъ ежемѣсячно возникающихъ и отсылаемыхъ затѣмъ въ прокурорскій надзоръ. На такое дѣло не смотрится уже глазами ищущаго истины человѣка, а какъ-то казенно, формально, обращая вниманіе главнымъ образомъ лишь на то чтобы не подать повода Шилѣ вернуть дѣло съ предложеніемъ о дослѣдованіи.

И не удивительно. Скучная работа формальныхъ допросовъ изо дня въ день, изъ года въ годъ притуляетъ инте-

рестъ и обращаетъ пошевольтъ всякаго слѣдователя въ лису-щую машину. Только изрѣдка попадаются дѣла выходящія по своей обстановкѣ изъ ряду вонъ, и тогда снова пробуждается охота заглянуть въ людскія дѣянiя глубже чѣмъ то предписывается уставами, и наблюдать такія душевныя движенія занести которыя въ протоколъ положительно невозможно.

Однимъ изъ такихъ дѣлъ и было для меня дѣло Докса до той минуты пока Бобровъ не произнесъ своего признанія. Несмотря на собранныя уже тяжелыя улики, достаточныя для обвиненія его, но недостаточныя для осужденія, такъ какъ многое оставалось еще не выясненнымъ, и въ случаѣ отрицанія Бобровымъ своего преступленія могло и остаться таковымъ, несмотря ни на какія изощренія ума,—теперь все это невыясненное и недосказанное разъяснить и разкажетъ мнѣ самъ обвиняемый, лицо наиболѣе компетентное въ этомъ случаѣ, и трудъ мой сведется къ писанію подъ диктовку, да къ оформленію дѣталей всего дѣла.

Съ такимъ чувствомъ, проводивъ обратившагося въ бѣгство товарища прокурора, я приготовился строчить показаніе Боброва.

— Разкажите подробно какъ было дѣло, обратился я къ нему.

— Да такъ вотъ и было какъ у васъ написано.

— Хорошо. Но мнѣ нужно слышать разказъ отъ васъ чтобы записать его въ протоколъ.

— Не знаю, о чемъ разказывать, коли вашему благородію и безъ меня все извѣстно, съ искреннимъ недоумѣніемъ возразилъ Бобровъ.

Въ сущности онъ былъ правъ. Подробный допросъ обвиняемаго на предварительномъ слѣдствіи часто представляетъ собою ненужную, вполнѣ излишнюю жестокость. Онъ никого и ни къ чему не обязываетъ, и если обвиняемый вздумаетъ на судѣ отречься отъ признанія даннаго на предварительномъ слѣдствіи, то судъ не въ правѣ даже прочесть протоколъ его показанія.

Но въ данномъ случаѣ нельзя было сомнѣваться въ искренности желанія Боброва полнымъ признаніемъ смягчить свою участь, и слѣдовательно ему надлежало чистосердечнымъ разказомъ облегчить правосудію путь къ разъясненію об-

стоятельствъ дѣла. Очевидно онъ не понималъ этого и думалъ избавиться отъ продолжительной пытки разказа.

Лицность Боброва, его страданія, внушили невольное къ нему участіе, и потому я возможно осторожнѣе объяснилъ обязанности какія возлагалъ онъ на себя своимъ признаніемъ.

— Появля, ваше благородіе! Чтò жь, снявъ голову по волосамъ не плачуть! Извольте спрашивать, такъ ладней будетъ, и онъ сталъ подтверждать показанія Докса одно за другимъ.

— Дѣйствительно ли топоромъ нанесли вы рану Доксу или какимъ другимъ орудіемъ? спрашивалъ я его.

— Топоромъ, ваше благородіе, тѣмъ самымъ чтò вы видѣли у меня.

— У васъ одинъ топоръ?

— Два, да другой плохъ и валется въ чуланѣ, а этотъ всегда подъ рукой въ избѣ.

— Вы его тотчасъ же нашли и подыали послѣ того какъ бросили въ Докса или онъ лежалъ тамъ до утра?

— Сейчасъ подыалъ.

— Вы его осматривали, кровь на немъ была?

— Въ избѣ осматривалъ. Чутьку на лезвѣе красно было, дѣломъ вытеръ, а потомъ лаклей.

— На далекомъ разстояніи вы въ него стрѣляли?

— Нѣтъ, не далеке. Полагать надо шаговъ пятьдесятъ не больше было.

— Отчего же вы промахнулись?

— И самъ не знаю. Должно Богъ Нѣмца берегъ. Отродясь такого промаха не дѣлалъ... Заторолился видно очень, а это ужъ всегда вѣрный промахъ.

И такъ дадѣе, всѣ отвѣты въ томъ же родѣ.

— О чемъ шептались вы съ вашею женой? Кто изъ васъ заговорилъ что если пришибить обухомъ, то и крови не будетъ? Вы помните чтò говоритъ Доксъ объ этомъ? спросилъ я его между прочимъ.

Бобровъ не ожидалъ этого вопроса и оторопѣлъ. Отъ отвѣта зависѣла участь жены, и онъ это появля...

Я сталъ рыться въ лежавшихъ предо мной бумагахъ, низко наклонясь надъ ними, и попытаться этимъ дать ему время обдумать отвѣтъ.

— Это-съ неправда, наконецъ произнесъ онъ,—Нѣмецъ вретъ.

— Что неправда?

— Да вотъ что будто мы шептались.

— Такъ вы вовсе не переговаривались съ женой шепотомъ когда потушили огонь и легли спать?

— Всю не переговаривались.

— Съ чего же Доксъ услужался и выбѣжалъ изъ избы?

— Богъ его знаетъ съ чего, не могу знать, только мы не шептались. Я Богу молился.

Приготавливаясь къ убійству Богу не молятся. Отвѣтъ не выдерживалъ критики, но я не настаивалъ на немъ долѣе. Чтобы не навлечь бѣды на жену, ему не оставалось другаго выхода какъ вполнѣ отрицать фактъ, хотя бы даже цѣной противорѣчій. Онъ такъ и сдѣлалъ.

Чтобы выяснитъ въ этомъ дѣлѣ значеніе умысла, который въ нашемъ Уложеніи играетъ весьма важную роль и по степени значительности котораго наказаніе смягчается или усиливается, я задалъ Боброву вопросъ о цѣли съ которою онъ обманулъ Докса, увѣривъ что тотъ заблудился.

Какъ ни мягка была форма въ которой вопросъ этотъ былъ предложенъ, тѣмъ не менѣе онъ произвелъ на Боброва тяжелое впечатлѣніе. Это видно было по нему: онъ стоялъ молча, потупивъ голову и медленно вертя въ рукахъ шляпу.

Обыкновенно такіе вопросы разрѣшались другими обвиняемыми весьма легко, иногда даже въ шуточной формѣ: „По вашему благородію, молъ, соскучился“, или „казеннаго хлѣбца ловѣсть захотѣлъ.“ Боброву же трудно было произвести роковыя слова о корысти, его нравственный міръ былъ выше совершеннаго преступленія, и эти слова болѣзненно били по его самолюбію, увижали его нравственное достоинство.

А чѣмъ болѣе нравственное достоинство развито въ человѣкѣ, чѣмъ выше уваженіе его къ самому себѣ, тѣмъ менѣе онъ способенъ на преступленіе.

Но я изумился когда Бобровъ почти выкрикнулъ свой отвѣтъ:

— Ободрать хотѣлъ!

Въ этомъ отвѣтѣ прозвучало столько оскорбленнаго самолюбія, столько горькаго униженія, что я невольно подвинулъ голову и опустилъ перо. Мнѣ хотѣлось сказать ему слово сожалѣнія и утѣшенія, но оно остановилось у меня въ горлѣ.

Да и къ лучшему. Всякое слово сказанное мною въ этомъ смыслѣ могло еще больше равить его наболѣвшую душу.

А между тѣмъ я готовилъ ему новый вопросъ о цѣлѣ съ которою онъ стрѣлялъ и швырнулъ толпоромъ, но..... у меня не хватало силъ, и я оковчилъ допросъ.

— Послушайте, Бобровъ, обратился я къ нему, когда онъ четко и красиво подписался подъ протоколомъ,—поручился ли бы кто-нибудь за васъ, т.-е. за то что вы не скроетесь отъ суда, еслибъ я отдалъ васъ на поруки?

Бобровъ подумалъ и сдѣлалъ рукой отрицательный знакъ.

— Нѣтъ, не могу знать, произнесъ онъ, очевидно перебирая въ своей памяти своихъ знакомыхъ.

— Иванъ Петровичъ, напримѣръ, подсказалъ я.

— Баринъ хороший, да просить-то я его не стану.

— Почему же?

— Не привыкъ. Да и дѣло-то такое.....

— Не знаете ли кого изъ крестьянъ у котораго найдется имущества тысячи на двѣ?

— Есть такой одишъ, да врядъ ли согласится.

Съ тѣмъ мы и разстались.

Между тѣмъ я въ надеждѣ на слѣпой случай и подъ страхомъ наустрожайшаго выговора со стороны Шила, назначилъ Боброву мѣрой пресѣченія способъ уклоняться отъ суда и свидѣнія благонадежное поручительство съ денежною отвѣтственностью въ 2.000 рублей. Мѣра эта дѣйствительно черезчуръ мягка для обвиняемаго которому грозитъ каторга, тѣмъ не менѣе я надѣялся успокоить Шило тѣмъ простымъ соображеніемъ что Боброву не откуда достать такое крупное поручительство, судебная же палата и судъ, куда дѣло послѣдовательно перейдетъ, не обратятъ на нее вниманія, если она пройдетъ неотмѣнною чрезъ Д—скій прокурорскій надзоръ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я написалъ Обрѣзкову что Бобровъ можетъ быть выпущенъ на поруки, и что мнѣ пріятнѣе было бы видѣть поручителемъ его чѣмъ кого-либо другаго.

Но Обрѣзковъ отказался наотрѣзъ. Онъ писалъ что ошибся въ Бобровѣ и не желалъ бы его у себя видѣть, тѣмъ болѣе что и честность его, въ которую онъ прежде вѣрилъ непоколебимо, теперь подвергается большому сомнѣнію, такъ какъ у него оказался капиталъ въ 300 слѣшкомъ рублей, приобретенный путемъ, очевидно, неправымъ.

Боброву не везло. Прошло около недѣли, а онъ сидѣлъ по-прежнему въ тюрьмѣ. Порука не состоялась.

Полиція тѣмъ временемъ разыскала и прислала ко мнѣ для допроса тѣхъ крестьянъ съ которыми Доксъ повстрѣчался по выходѣ изъ Л. и которые направили его въ Семигановскъ ближайшею дорогою чрезъ лѣсъ. Они вполнѣ подтвердили показаніе Докса и добавили что Доксъ дѣйствительно свернулъ на указанную дорогу, что они хорошо видѣли.

Еще ранѣе я предъявлялъ свидущимъ людямъ ружье и кусокъ дерева въ которомъ застряла пуля, и они дали категорическое заключеніе что выстрѣлъ произведенъ изъ праваго ствола недавно, нѣсколько дней назадъ, а это совпадало со временемъ приключеній Докса въ лѣсу.

Между тѣмъ настало время мѣсячной прокурорской ревизіи. Ревизіи эти устроены были съ цѣлью строгаго наблюденія за прилежаніемъ судебныхъ слѣдователей, и поручены товарищамъ прокурора, которые и аттестовали насъ предъ высшимъ начальствомъ. Такимъ образомъ въ лицѣ Шила я имѣлъ прямого и притомъ, что всего хуже, неофіціального начальника, такъ какъ судебные уставы ставятъ слѣдователей совершенно въ другое, вполнѣ независимое положеніе, при которомъ лояльна только и возможна лояльность, а главное—безпристрастіе при производствѣ слѣдствія. Подъ руководствомъ же Шила слѣдствіе, то-есть полная картина преступленія, сводилось къ одностороннему акту полицейскаго сыска. Онъ улобно отвергалъ все что не годилось для его обвинительнаго акта и, благодаря этому обстоятельству, очевидные преступники часто выходили изъ суда оправданными, такъ какъ судьямъ предлагалось взять на свою совѣсть цѣлую массу недосказаннаго и невыясненнаго.

На ревизіяхъ Шило былъ раздражительнѣе и невыносимѣе обыкновеннаго. Чернила для него были слишкомъ густы, перо брызгало, стулъ слишкомъ твердъ. И я бѣжалъ перемѣнять чернила и подкадывалъ подъ сидѣнье подушку. Хорошо если безусловная лояльность и предупредительность обезоруживали его, но иногда бывало и наоборотъ. Недовольство его переходило тогда на другіе предметы: солнце чрезчуръ ярко свѣтило и рѣзало его глаза; въ комнатѣ былъ какъ будто слышенъ угаръ; двери скрипѣли и раздражали его нервы; наконецъ столъ стоялъ не на своемъ мѣстѣ и его слѣдовало передвинуть на другой конецъ комнаты.

Всѣ эти предметы возбуждавшіе такъ его неудовольствіе были однако не при чемъ. Истина же его раздраженій заключалась въ томъ что его двадцатичетырехлѣтнее сердце было переполнено блаженствомъ сознанія что вотъ де подъ его надзоромъ находится цѣлыхъ три слѣдователя, которыми онъ можетъ командовать на своей волѣ.

И командовалъ же онъ нами!

Шило олукался обыкновенно на мое мѣсто, а я, стоя противъ него, докладывалъ ему дѣло за дѣломъ. Онъ перелистывалъ, слушая мой докладъ о его содержаніи, и отъ времени до времени дѣлалъ свои наставленія. Иногда впрочемъ онъ бывалъ настолько любезенъ что приглашалъ меня сѣсть, но этого иногда и не случалось, и я по нѣскольку часовъ простаивалъ.

Дошла очередь до дѣла Докса. Подавая его я замѣтилъ что оно уже извѣстно ему.

Онъ прочелъ показаніе Боброва и бойко подмахнулъ подъ протоколъ: „Присутствовалъ товарищъ прокурора Шило.“

Затѣмъ прочелъ постановленіе о мѣрѣ.

— Это что? ткнулъ онъ пальцемъ въ постановленіе.

— Постановленіе о мѣрѣ, тономъ невиннѣйшаго агнца отвѣчалъ я.

— Какъ! Убийцу, да еще такого негодяя на поруки?! Вы... вы съ ума сошли? и Шило сдѣлалъ движеніе какъ бы намѣревался разорвать постановленіе, но подумалъ и остановился.

Рвать постановленіе дѣйствительно было неудобно: колія его находилась въ тюрьмѣ, а слѣдовательно могла находиться и въ рукахъ Боброва.

— Пожалуста, составьте сейчасъ же постановленіе о безусловномъ заключеніи подъ стражу и сегодня же отошлите въ тюрьму. Въ чемъ же у васъ остановка? спросилъ онъ минуту спустя.

Слѣдствіе, строго говоря, еще только началось, но для него оно уже было кончено. Заикаться повтому о допросѣ пивовара, его рабочихъ, волостнаго писаря и другихъ лицъ, о болѣе основательной вообще постановкѣ обвиненія и выясненіи побочныхъ обстоятельствъ имѣющихъ связь съ сущностью дѣла,—заикаться обо всемъ этомъ было нелѣпо. Въ отвѣтъ я получалъ бы „дурака“, и дѣло все-таки осталось бы недо-дѣланнымъ. Повтому я счелъ болѣе благоразумнымъ отвѣ-

тять что ожидаю только жену Боброва, которую допросить считаю необходимымъ.

— А, это ты что въ обморокъ падала! Развѣ вы ее отпустили? спросилъ удивленно Шило.

— Она была больна.

— Все равно, нужно было допросить и въ тюрьму, тамъ ее живо вылѣчать.

— Она свидѣтельница, робко рѣшился я замѣтить;—кромѣ оговора Докса противъ нея нѣтъ никакихъ уликъ, да и оговоръ къ тому же очень неопредѣленный.

— Свидѣтельница? Она свидѣтельница? Съ такими чистенькими уликами свидѣтельница? медленно, съ разстановкой, но все повышая голосъ, повторялъ Шило, влившись въ меня гнѣвный свой взглядъ.—Разъ навсегда прошу васъ не повторять мнѣ подобныхъ глупостей!—вскрикнулъ онъ,—сейчасъ же повѣстку о приводѣ и въ тюрьму!

На третій день послѣ ревизіи Матрена стояла уже въ своей камерѣ.

Извѣстіе о взведенномъ на нее обвиненіи она приняла совершенно ласково, точно оно ея и не касалось. Въ показаніи же своемъ она отрицала все, даже и то что она ходила выслѣживать Докса.

Но мѣра башмака улчала ее, и это была единственная противъ нея улика, если только могло быть уликой то что она ходила по слѣду Докса.

Когда они потушили огонь и легли спать,—разказывала она,—то мужъ ея сталъ молиться предъ образомъ. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ какъ Нѣмецъ сорвался со скамейки, выдернулъ въ дверяхъ крючокъ и убѣжалъ. Мужъ ея тотчасъ же засвѣтилъ лампу и вышелъ въ сѣни, а она отъ страха забилась съ головой подъ тудулъ, которымъ была прикрыта, и лежала такъ до тѣхъ поръ пока онъ не вернулся и не сообщилъ что Нѣмца нѣтъ нигдѣ. Тогда они оставили лампу съ огнемъ на столѣ, приперли двери изнутри коломъ и легли спать снова, но отъ испуга не спали всю ночь.

Слѣдствіе было заключено и въ тотъ же день отослано къ Шило.

V.

Прошло съ тѣхъ поръ около двухъ мѣсяцевъ, когда однажды я совершенно нечаянно прочелъ на вывѣшенномъ въ судѣ объявленіи о назначенныхъ къ слушанію дѣлахъ между прочими и о дѣлѣ Бобровыхъ. Оно должно было слушаться въ началѣ апрѣля. Такая быстрота меня удивила, и я нарочно пошелъ въ канцелярію справиться о причинѣ. Оказалось что Шило сдѣлалъ для этого дѣла исключеніе и направилъ его въ законный семидневный срокъ.

Я съ нетерпѣніемъ ждалъ дня засѣданія, намѣреваясь прослушать дѣло отъ начала до конца. Но судьба судила мнѣ иначе. Въ этотъ день я былъ за двадцать верстъ отъ Л, и съ докторомъ вскрывалъ мертвое тѣло. Возвращаясь домой поздно вечеромъ я сейчасъ же справился чѣмъ оно кончилось. Оказалось что Бобровъ и на судѣ сознался, но Матрена отрицала все и неоднократно обращалась къ мужу, увѣщая его не взводить на себя напраслину и увѣряя судъ что Богъ отвялъ у ея мужа разумъ. Присяжные оправдали ее, несмотря на все краснорѣчіе Шило, на разу противъ обыкновенія не залутавшагося въ собственныхъ словахъ. Осталось неизвѣстнымъ однако главное: въ чемъ именно она обвинялась, въ соучастіи ли, въ подстрекательствѣ, или въ укрывательствѣ? Мое постановленіе о привлеченіи мотивировано было предложеніемъ товарища прокурора. Въ своемъ же обвинительномъ актѣ Шило указалъ глухо на общую статью Уложенія трактующую объ убійствѣ съ цѣлью ограбленія.

Бобровъ приговоренъ былъ къ непродолжительнымъ каторжнымъ работамъ, и по выслушаніи приговора громко поблагодарилъ судъ за милостивое рѣшеніе.

Доксъ также велъ себя попрежнему, онъ краснѣлъ, блѣднѣлъ, заикался и въ концѣ допроса даже расплакался. Своєю наружностью и застѣнчивостью онъ и на судѣ пріобрѣталъ всеобщую симпатію и не мало послослуживалъ прокурорскому краснорѣчію.

Но этимъ дѣло о нахо не кончилось.

Не прошло и недѣли послѣ суда надъ Бобровыми какъ въ камеру мою пришелъ докторъ, разстроенный и печальный,

жалуясь на свою обязанность судебного врача, которую ему навязываютъ сверхъ всякаго его желанія. Причину такого мниморнаго настроенія онъ не замедлялъ объяснить: изъ раны Докса, все время не закрывавшейся и гноившейся, вышелъ наконецъ кусокъ стекла.

— Вотъ онъ! добавилъ докторъ, кладя предо мной небольшою осколокъ величиной въ половину серебрянаго лятачка.

— Вы осудили невинаго, а въ этомъ глубоко убѣжденъ, говорилъ докторъ,—а я помогъ вамъ.

Еслибъ я увидѣлъ что солнце восходитъ съ запада, я кажется менѣе изумился бы чѣмъ теперь, глядя на этотъ маленькій кусочекъ блестящаго на бумагѣ синеватаго стекла.

— Интересно знать, продолжалъ докторъ,—какъ объяснить Готлибу присутствіе этого стекла въ своей ранѣ. Когда я ощущалъ зондомъ и вынулъ его, я былъ удивленъ не меньше вашего и, признаюсь, разсердился, вспомнивъ его разказъ о толорѣ. Очень можетъ быть что физиономія моя представляла свирѣпый видъ, и потому Доксъ вмѣсто всякихъ объясненій лустился плакать и жаловаться что всѣ его обижаютъ. Тѣмъ не менѣе онъ не сказалъ мнѣ ничего. Не будете ли вы счастливые?

— Не говорили ли вы съ его дядей? спросилъ я.

— О, это Нѣмецъ осторожный, изъ него лишняго слова клещами не вытянешь! Я убѣжденъ что онъ съ племянникомъ знаютъ гораздо болѣе насъ, но.... только для себя.

— Я во всемъ этомъ дѣлѣ пересталъ понимать что-либо, признался я откровенно.

— А я такъ кажется догадываюсь, возразилъ докторъ,—я не психіатръ и не слѣдователь, но сильно сомнѣваюсь, все ли въ порядкѣ въ бѣлокурой головкѣ Готлиба. У него слышкомъ много странностей, да и Карлъ Ивановичъ что-то носъ повѣсилъ, а это непремѣнно должно означать что-нибудь весьма серьезное.

Нельзя сказать чтобы въ эту минуту моя собственная голова была въ полномъ порядкѣ. Чтò предпринять, съ чего начать чтобы не испортить снова и разъяснить наконецъ это загадочное дѣло?

Сумашествіемъ объяснить его нельзя; многое этому противорѣчило. Прежде всего, пивоваръ не отпустилъ бы сумашедшаго племянника одного въ дорогу. Вовторыхъ, племянникъ этотъ не проявилъ сумашествія ни раньше, ни послѣ

встрѣчи съ Бобровыми оно продолжалось ровно столько сколько тотъ находился въ его обществѣ. Встрѣчать, наконецъ, сознаніе самого Боброва...

— Нѣтъ, не можетъ быть! Доксъ былъ бы убитъ навѣрное есаубы не убѣжалъ! воскликнулъ я.

— А это же что? показалъ докторъ на лежавшее на столѣ стекло.

— Это? это я не знаю еще что значить, но узнаю непременно.

— Богъ въ помощь, только не ошибитесь вторично, а я дамъ вамъ добрый совѣтъ: Клингеръ и Малицкій отличные психіатры. Обратитесь къ нимъ, и они разъяснятъ вамъ болѣе чѣмъ самое тщательное свидѣніе.

Докторъ ушелъ, оставивъ у меня стекло. Я едва могъ собраться съ мыслями.

„Уголышекъ!“ внезапно промелькнуло у меня въ головѣ, когда я одно за другимъ сталъ перебирать все мельчайшія обстоятельства дѣла. Надъ дверью избы Боброва есть маленькое разбитое оконце и одного уголышка въ немъ недостаетъ. Не лежалъ ли этотъ отбитый уголъ на подоконникѣ и не обрѣзался ли Доксъ о него? Но этого быть не могло. Я не могъ такъ грубо ошибиться. Я слишкомъ внимательно осматривалъ окно и подоконникъ. Есаубы Доксъ дотронулся только до нихъ онъ оставилъ бы какой-нибудь слѣдъ на толстомъ слое пыли. Но тамъ было все ровно покрыто ею! Если Доксъ и обрѣзался, то только не тамъ. Такъ гдѣ же?

Я схватилъ шляпу и выбѣжалъ на улицу со смутнымъ желаніемъ потребовать объясненій отъ Боброва, но подойдя къ тюрьмѣ невольно остановился въ раздумьи. Если Бобровъ дѣйствительно вклепалъ на себя нараслану, то вѣроятно имѣлъ на это основательныя причины. Какое право имѣлъ я по первому подозрѣнію врывать въ его, относительное хотя, душевное спокойствіе, подвергать его слова люткамъ допроса, вселять въ его сердце можетъ-быть неосновательную надежду? Никакого! и я почти бѣгомъ направился въ противоположную отъ тюрьмы сторону. Мнѣ нужно было посоветоваться съ кѣмъ-нибудь, успокоиться, услышать благоразумное слово. Но кто зналъ это дѣло такъ какъ я его зналъ? Кто могъ дать мнѣ благоразумный совѣтъ? Не Шило же?! И тутъ же, противорѣча себѣ, я побѣжалъ именно къ Шило. Утопающіе, говорятъ, хватаются за соломенку, а я утопалъ. Шило встрѣтилъ меня съ удивительною физиономіей и

замѣтивъ на моемъ лицѣ безпокойство, надулся и позабылъ пригласить меня съестъ. Онъ заложилъ руки въ карманы грязнаго ситцеваго халата и продолжалъ шагать изъ угла въ уголъ комнаты.

— Я къ вамъ, Максимиліанъ Ильичъ, лю дѣлу, робко обратился я къ нему.

Онъ былъ собственно не Максимиліанъ, а Максимъ, но находилъ послѣднее имя почему-то мало-аристократичнымъ и сердился когда его называли Максимомъ.

— По какому дѣлу?

— Бобровыхъ.

— А! Ну-съ, а зачѣмъ вамъ оно?

— Мнѣ дѣло не нужно, а я пришелъ посоветоваться только относительно одного обстоятельства.

Шло было полднемъ, но я не помогъ себѣ: онъ принялъ дѣловой тонъ, а въ такихъ случаяхъ онъ терялъ всегда послѣдній здравый смыслъ, уходя безъ остатка въ заботу о фразѣ и позировкѣ. Услышавъ просьбу о совѣтѣ, онъ министерскимъ движеніемъ пригласилъ меня съестъ и усѣлся самъ, но говорить мнѣ пришлось не скоро.

— Дѣло Бобровыхъ составляетъ весьма сложный юридическій вопросъ, началъ онъ внушительно, — и я разработалъ этотъ вопросъ основательно. Наше законодательство далеко не полно еще и оставляетъ желать многого. Вмѣняемость по теоріи Таганцева противорѣчитъ вмѣняемости по Уложенію, а эта въ свою очередь — кассационнымъ рѣшеніямъ. Согласить всѣ эти противорѣчія — задача не легкая, но я разрѣшу ее и притомъ весьма просто. Правда, придется щелкнуть немногo Таганцева, да это не бѣда. По крайней мѣрѣ въ будущемъ станутъ невозможны такіе абсурдные вердикты какъ оправдательный вердиктъ Бобровой. Этихъ олуховъ и виить нельзя, но если они наши негодноту въ законѣ, то должны были примѣнить общій смыслъ его. Ха, ха, ха! Общій смыслъ, понимаете ли? А они и не нюхали что значитъ общій смыслъ закона! Въ своемъ протестѣ я прекрасно разовью эту тему....

— Но въ дѣлѣ открываются новыя обстоятельства, осмѣлился я перебить его.

— Какія бы обстоятельства ни открывались, вопросъ сдѣдуетъ разрѣшить разъ и навсегда, и я разрѣшу его.

— Но обстоятельство совершенно неожиданное, умолялъ я.

— Какъ неожиданное! Въ законѣ нѣтъ явста неожиданно-

стѣмъ: онъ стоитъ выше ихъ, онъ повелѣваетъ. всѣми безконечно разнообразными движеніями челоуѣка и предусматриваетъ ихъ всѣ безо всякихъ исключеній. Только тогда законъ....

— Изъ раны Докса вынуть кусоокъ стекла!

Шило какъ будто очулося, но тотчасъ же принялъ удивленный видъ.

— Такъ что же? Что вы хотите этимъ сказать? спросилъ онъ, продолжая глядѣть въ мое лицо.

— Я хочу сказать что присутствіе стекла въ ранѣ Докса доказываетъ что онъ обрѣзался и не былъ раненъ топоромъ.

— Все въѣтъ. Я не вижу никакой связи между тѣмъ и другимъ. Объясните, пожалуйста.

— Это, мнѣ кажется, очевидно.

— Для васъ. Для васъ мало ли что можетъ быть очевиднымъ, но разсуждая строго-юридически, ставя идею чисто абстрактно....

Я не выдержалъ и схватился за шляпу. Замѣтивъ мое движеніе, Шило вдругъ осксся и сконфузился. Онъ такъ растерянно посмотрѣлъ какъ будто боялся что я сейчасъ начну его колотить, но видя что опасенія напрасны и я раскланиваюсь попрежнему почтительно, онъ оправился и съ прежнимъ алломбомъ, хотя и гораздо мягче, произнесъ прощаясь:

— Да, да, я вамъ дамъ добрый совѣтъ—не лутаться и не лутать дѣла. Фактическая сторона разработана вами достаточно, предоставьте теперь намъ разработать юридическую, и сидите спокойно.

Боже мой, въ какомъ несчастномъ, безнадежномъ положеніи я возвратился домой! Но я принею съ собой одно непоколебимое рѣшеніе—не обращаться ни къ кому за совѣтомъ и дѣйствовать самому тихо и настойчиво. Я навлекалъ на себя, правда, прокурорское неблаговоленіе, въ этомъ сомнѣваться было нельзя, но я рискнулъ бы даже и большимъ за раскрытіе истины. Непредложно было одно: оставлять безъ вниманія мое открытіе, какъ совѣтовалъ Шило, я не могъ, да и не имѣлъ права.... И я въ раздумьи вертѣлъ въ рукѣ загадочный осколокъ принесенный докторомъ. А если, вопреки очевидности, наперекоръ всякой здравой мысли, какимъ-нибудь чудомъ, этотъ осколокъ дѣйствительно окажется отбитымъ отъ недостающаго угла? Вѣдь одинъ этотъ фактъ въ состояніи оправдать Боброва, думалъ

я,—повѣрить его, поэтому, необходимо. И черезъ два часа я подвѣзжалъ уже съ урядникомъ къ избѣ Боброва. Мы бережно вынули изъ окна надъ дверью кусокъ стекла, отъ котораго былъ отбитъ уголъ, и я взялъ его съ собою. Дома я засталъ уже присланныхъ полиціей по моей преслѣбѣ стекольщиковъ. Они долго сравнивали и случали куски и дали наконецъ заключеніе что оба куска стекла по толщинѣ и цвѣту совершенно схожи между собой и должны были составлять одинъ кусокъ, такъ какъ совпадали даже въ изломѣ.

Итакъ, Доксъ лгалъ, и показаніе его не заслуживало болѣе никакого довѣрія. Но сознаніе Боброва? Неужели онъ дѣйствительно извелъ на себя напраслину, какъ увѣрала на судѣ Матрена? Что заставило его сдѣлать такой необъяснимый, ужасный шагъ? Я отправился къ нему въ тюрьму. Увидѣвъ меня онъ какъ будто обрадовался.

— Не помните ли, Бобровъ, куда дѣвался кусокъ стекла, уголъ отъ разбитаго оконца надъ дверью въ вашей избѣ?

Этотъ вопросъ его встревожилъ.

— Да вѣдь дѣло-то мое уже кончено, я ужъ портшежь. А въ новое еще что? нервничательно и робко замѣтилъ онъ.

— Я не для дѣла, солгалъ я,—а судъ у меня теперь это стекло спрашиваетъ, а я забылъ его взять.

— Оно точно тамъ лежало на паклѣ, маховойкой кусочекъ, вотъ такъ, съ палецъ, да мнѣ не вдомекъ было поглядѣть тамъ ли оно осталось. Можетъ Матрена убрала.

Больше пока отъ Боброва мнѣ ничего не нужно было. Фактъ раны выяснился. Доксъ, выдергивая пробой одною рукой, другою оперся о подоконникъ и придавилъ къ рамѣ лежавшее на паклѣ стекло, не тронувъ нисколько льмы. Осколокъ врѣзался въ его руку и сломался въ ней. Но судьба торопилась выяснитъ и другое важное обстоятельство.

На другой день предъ вечеромъ ко мнѣ на квартиру явился мужичокъ съ пакетомъ отъ Семигановскаго волостнаго старшины. Старшина писалъ что, ссылаясь на отношеніе мое къ начальнику уѣзда о розыскѣ крестьянъ встрѣтившихъ 11го января близъ Устьумскаго лѣса саксонскаго подданнаго Готлиба Докса, онъ „имѣеть честь препроводитъ ко мнѣ крестьянина Оому Амучина, который встрѣтилъ 11го января въ Устьумскомъ лѣсу Нѣмца, подходящаго по примѣтамъ къ уломанутому въ означенномъ отношеніи.“ Въ полученіи

крестьянина Алучина волостной старшина просилъ меня выдать „установленную квитанцію“.

Наши сельскія власти часто подносили мнѣ горчицу послѣ ужина, но претендовать на нихъ за это не подобало: усердіе всегда почтено, ложка, конечно, не переходитъ въ медвѣжье.

Я объяснилъ Алучину что дѣло по которому онъ явился уже кончено и надобности въ его показаніи никакой нѣтъ.

— Да гдѣ же вы съ нимъ встретились? спросилъ я его.

— Въ самомъ, значить, лѣсу. Иду, эта, домой...

— Куда?

— Въ Семигановскѣ, значить. Мы Семигановскіе будемъ. Иду это лѣсомъ, да и присѣлъ на лѣвъ лалотокъ перевязать, развязался. Гляжу—саѣдомъ за мною этотъ самый Нѣмецъ ялетется, озирается во все стороны, точно ищеть чего-то, а меня и не примѣчаетъ, а какъ лоравилася со мной я и оклякки его... Батюшки мои! Какъ киветса онъ въ сторону, да ео страху и наткнувъ на сосну, ударился, стоитъ, а самъ такъ и трясется... ошалѣлъ совсѣмъ, служалса... Меня ажно жалость взяла... Пойдемъ, говорю, вмѣстѣ, тебѣ не такъ боязно будетъ. Тебѣ, спрашиваю, куда надеть? Въ Л., говорить, меня тамъ дярошка дожидается.—Какъ въ Л., спрашиваю, да вѣдь ты не въ ту сторону ирешь, поворачивай, говорю, оглобли назадъ.—Нѣтъ, говорить, я иду вѣрно.—Да и говорить-то такъ что не сразу и уразумѣешь что онъ домочетъ. Я его и такъ и сакъ урезонивать, а онъ все свое: иду, молъ, ладно, да и шабашъ.—Колн ладно, говорю идешь, такъ пойдемъ вмѣстѣ, въ село заведу—переночуешь.—Не хочу, говорить, иди себѣ съ Богомъ, а меня оставь. А самъ отъ меня такъ и сторонится: я къ нему, а онъ отъ меня. Билса я съ нимъ такъ немалое время, вижу дурмой Нѣмецъ, улерся на своемъ и ни съ мѣста, я плюнуль, да и пошелъ. а онъ замѣшкался и, должно полагать, вернулася-таки назадъ, я больше ужъ его не видѣлъ.

— Пѣлъ онъ лѣсною, когда шелъ къ вамъ, или молчалъ?

— Гдѣ ему было лѣсни пѣть! У него почитай только въ чемъ душа отъ страху держалася. Должно кто ранѣ его служалъ.

— А какой онъ собою былъ этотъ Нѣмецъ? Признавалъ бы вы его теперь?

— Преогличивѣйшимъ манеромъ признаю, отвѣчалъ словоохотливый Алучинъ,—бѣлобрысый, такъ изъ себя красивый,

молодой, усы эти еще видны, а бороды и вовсе нѣтъ. Шинель какъ у солдатъ, только черная, съ перехватомъ сзади, а картузь вотъ какъ кулцы городскіе носить. За спиной на лашкѣ мѣшокъ кожаный былъ....

Не подлежало никакому сомнѣнію—это былъ Доксъ.

— Отчего же васъ раньше ко мнѣ не прислали? спросилъ я.

— Да я почитаю никому и не рассказывалъ, такъ, двумъ тремъ, а какъ Бобріху изъ тюрьмы выпустили, да ему самому вышло рѣшеніе на каторгу, вотъ у насъ по сему и пошел толковать, я и разкажи въ кабацкѣ. Тутъ староста на бѣду случился. — А ты, говорить, знаешь приказъ?—Какой приказъ?—Да, говорить, всѣхъ что съ Нѣмцемъ встрѣчались велѣно къ садователю доставлять; пойдемъ, другъ милый, въ волость! Пришли мы эта въ волость, меня первымъ дѣломъ въ холодную заперли, чтобы вѣрнѣе было, а затѣмъ, мало погода, и послали со сторожемъ сюда. Сторожъ, пріятель мѣнъ, упросилъ идти самому и бумагу вамъ доставить. А мѣнъ что? Я его-то отпустилъ съ Богомъ, а самъ-отъ и явился къ вашему благородію. Расписочку пожалуйте, заключаю оны,—велѣно получить съ васъ.

— Какъ вы желательво мѣнъ отпустить васъ сейчасъ, отвѣтилъ я,—да сдѣлать-то этого нельзя, потому что нужно показать вамъ этого Нѣмца, а нынче ужъ поздно; почувте у меня.

Анучинъ почесалъ затылокъ.

— Я вѣдь, ваше благородіе, харчей съ собой не захватилъ, объяснилъ оны наконецъ свое затрудненіе.

— Не бѣда, ступайте на кухню, накормимъ.

Анучинъ поблагодарилъ и вышелъ.

VI.

Я написалъ ливовару что по дѣлу, хотя еще и не возбужденному официально, но имѣющему возникнуть въ непродолжительномъ времени, я встрѣтилъ неотложную надобность видѣть его съ лаеманикомъ у себя въ камерѣ, а потому и осмѣливаюсь просить какъ его, такъ и Готлиба пожаловать ко мнѣ завтра въ девять часовъ утра.

Человѣкъ отнесшіи письмо возвратился съ отвѣтомъ ливовара, приказавшаго передать мнѣ что оны къ назначенному часу будутъ непремѣнно.

Въ девять часовъ безъ нѣсколькихъ минутъ, онъ дѣйстви-
тельно вошелъ въ камеру въ сопровожденіи Докса, и я по-
спѣшилъ принять ихъ какъ можно любезнѣе, но не вдаваясь
ни въ какія объясненія звелъ въ камеру Анучина.

— Скажите, любезнѣйшій Готлибъ, вы никогда не видали
этого человѣка? обратился я къ нему, — не вспомните ли?

Онъ пристально взглянулъ на Анучина, но затѣмъ быстро
опустилъ глаза въ землю, покраснѣлъ и чуть слышно отвѣчалъ:

— Нѣтъ.

Анучинъ улыбулся и уже открылъ ротъ чтобы сказать
что-то, но я сдѣлалъ ему знакъ, и онъ замолчалъ.

— Не встрѣчали ли вы этого человѣка въ лѣсу, въ томъ
самомъ лѣсу, гдѣ лѣсовикъ ранилъ васъ топоромъ? спросилъ я
слова, нарочно растягивая и ударяя на каждое слово.

Такое же тихое, но болѣе тревожное „нѣтъ“ было отвѣтомъ.

— Вы никого не встрѣчали въ этомъ лѣсу кромѣ лѣсника?

— Никого.

— А меня-то! вдругъ не вытерпѣвъ отозвался Анучинъ, —
я-то васъ сейчасъ призналъ. Какъ же. Еще-т о вы на сосну
наскочили — служались. Вы и есть, вотъ хоть сейчасъ подъ
присягу идти!

— Я васъ вовсе не знаю! уже совершенно плаксиво про-
лепеталъ Готлибъ.

— Одежа, точно, другая была, продолжалъ неутомимый
Анучинъ, — салюги выше кофта, шинель олять эта черная
съ перехватомъ, картузь съ козыремъ.... за плечами олять
же кожаный хорошій такой мѣшокъ....

Доксъ трясъ головой и продолжалъ бормотать:

— Нѣтъ, нѣтъ, это не я.

— Какъ же не вы, продолжалъ однако убѣждать его Ану-
чинъ, — еще я спрашиваю: куда идешь? А вы такъ вотъ тря-
сетесь, да и говорите: въ Л. иду, дядюшка дожидается. Я
здалѣ засмѣялся, да и говорю: — не скоро же ты, любезный,
въ Л. дойдешь: вонъ тѣ гдѣ Л., поворачивай, говорю, оглобли,
а вы мнѣ въ отвѣтъ: нѣтъ, я вѣрно иду....

— Я васъ не видѣлъ, я не встрѣчался съ вами! съ услу-
гомъ въ голосъ почти вскрикнулъ Готлибъ.

— Однако, любезный Готлибъ, человѣкъ этотъ говорить
такъ опредѣленно, описалъ вашъ костюмъ такъ подробно и
вѣрно что ему нельзя не довѣрять, вставилъ я свое замѣчаніе,
— а я желалъ бы слышать отъ васъ какое-либо объясненіе.

— Я не могу дать никакого объясненія, уморю избѣгая моего взгляда, отвѣтилъ Готлибъ.

Я рѣшился не церемониться съ нимъ болѣе. Бобровъ томился въ тюрьмѣ и срокъ его апелляціи потекалъ на дылахъ. Допустивъ состоявшійся надъ нимъ приговоръ войти въ законную силу, онъ не могъ уже надѣяться на близкое освобожденіе, такъ какъ процедура учаственія такого приговора трудна и тянется долго; съ подачею же апелляціи, судъ собственною властью могъ измѣнить мѣру пресѣченія и освободить его, обязавъ лишь подлаской о неслучкѣ съ избраннымъ имъ мѣста жительства. Поэтому, еслибы даже пришлось вызвать искусственно припадокъ сумашествія, то эта жестокость оправдывается немедленнымъ освобожденіемъ Боброва, и я дѣйствительно рѣшился вызвать этотъ припадокъ и воспроизвести ночную оцену паники въ избѣ Боброва. Въ случаѣ удачи я отнималъ у старика послѣдній предлогъ скрывать сумашествіе племянника, и истина должна будетъ наконецъ обнаружиться, и притомъ сейчасъ же, сегодня.

Я приказалъ Агучину выйти въ другую комнату, и, какъ только дверь за нимъ затворилась, я началъ:

— Послушайте, любезный Готлибъ, въ вашей исторіи слишкомъ много необъяснимаго. Вы говорили что дѣлалъ ранилъ васъ толпорокъ, между тѣмъ изъ раны вашей вынуть осколки стекла. Вы и этого объяснить не можете?—И я придалъ голосу своему возможно строгое выраженіе. —А если вы отказываетесь ото всякихъ объясненій, то я самъ объясню вамъ все отъ начала и до конца. На заводѣ вы боитесь рабочихъ и бѣжали отъ нихъ. Въ лѣсу вы встречаете крестьянина и ждете отъ страха предъ нимъ; встречаете затѣмъ дѣвчонку, обманываете и его. Въмѣсто того чтобы поблагодарить человѣка за то что онъ васъ приютилъ и накормилъ, вы среди ночи убѣгаете изъ его избы и въ темнотѣ рѣжете себѣ руку осколкомъ стекла. Далѣе, давая мнѣ показаніе, вы ждете на каждомъ словѣ, вы оговариваете человѣка, который за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ сдѣлалъ вамъ добро, и этимъ ложнымъ показаніемъ сажаете невиннаго въ тюрьму. Вы шутите съ правосудіемъ... Голосъ мой повисъ.—Но правосудіе не станетъ съ вами шутить! Я позвалъ васъ сюда...—И я медленно сталъ подниматься со стула, какъ бы готовясь схватить его. Голосъ мой звучалъ уже грозно. — Я позвалъ васъ сюда, чтобы... чтобы...—И я

сдѣлалъ шагъ по направлению къ Доксу. Онъ вскочилъ. Волосы его поднялись вверхъ, лицо мертвенно поблѣдѣло, глаза помутнились. Онъ олицетворялъ собою безумный ужасъ.

— Вы всё, заговорилъ онъ быстро по-нѣмецки, — вы всё щете моей смерти, вы устроили заговоръ! Mein Gott! Mein Gott! и онъ опрометью бросился въ прихожую. Наружная дверь на лестницу хлопнула съ нечеловѣческой силой, и все затихло.

Доксъ убѣжалъ.

Старикъ пивоваръ поднялся со своего мѣста.

— Успокойтесь, Карлъ Ивановичъ, съ Готлибомъ не случится ничего дурного. Внизу лестницы его поджидаютъ полицейскіе и отвезутъ домой, съ вами же мнѣ нужно переговорить. Садитесь пожалуйста.

Онъ покорно сѣлъ.

— Вамъ не безызвѣстно, началъ я, — что окружный судъ недавно тому назадъ приговорилъ одного человѣка къ каторжнымъ работамъ вслѣдствіе оговора вашего лезмянника. Самою сильною уликой противъ этого человѣка послужила рана, происхождение которой онъ объяснилъ покушеніемъ на его жизнь. Готлибъ съ замѣчательными подробностями описалъ топоръ, которымъ, по его словамъ, онъ былъ раненъ и который онъ вѣроятно замѣтилъ въ избѣ лѣсника предъ своимъ бѣгствомъ. Между тѣмъ это неправда: Готлибъ же былъ раненъ, а обрѣзалъ себѣ руку стекломъ въ снѣгахъ избы. Вотъ два куска: одинъ изъ нихъ, маленькій, вынутъ изъ раны Докса, а второй вынутъ мною изъ окна избы. Свидущіе люди дали мнѣ положительныя доказательства что эти два куска одного и того же качества, и составляли одинъ кусокъ. Второю уликой отошь же сильною послужила обманъ къ которому будто бы прибѣгъ преступникъ чтобы завлечь къ себѣ вашего лезмянника. Но вы сами были свидѣтелемъ сцены, и я полагаю не сомнѣваетесь что въ дѣйствительности обмануть былъ самъ преступникъ, а за нимъ и я, и судъ. Этотъ живымъ преступникъ томится четвертымъ мѣсяцемъ въ тюрьмѣ, потерялъ доброе свое имя, а съ нимъ вмѣстѣ и свое здоровье. Судебная ошибка разбила всю жизнь человѣка, и главнымъ виновникомъ этого несчастія является Готлибъ. Я думаю имѣю право на полное ваше содѣйствіе для возможно скорѣйшаго исправленія сдѣланной ошибки и для воз-

вращенія несчастному обвиненному всего того что не потеряю еще безвозвратно.

— Я весь къ вашимъ услугамъ, прощайтесь старикъ, утираю крупныя капли пота выступившаго на лбу,—но я право не знаю чѣмъ могу я....

— Я сейчасъ объясню вамъ, продолжалъ я:—послѣ того что случилось сейчасъ съ Готлибомъ въ этой комнатѣ, ни вы, ни я не можемъ сомнѣваться въ ненормальности его умственныхъ способностей. Необходимо чтобъ эта болѣзнь удостовѣрена была положительнымъ образомъ, а для этого нужно чтобы вы отдали его на время въ больницу для изслѣдованія его врачами-психіатрами.

— Невозможно! воскликнулъ старикъ,—это убьетъ несчастнаго юношу!

— Но спасетъ невинную жертву, возразилъ я.

— Я готовъ на все, господишь свидователь, но не на это! Я люблю этого юношу какъ роднаго сына.—И старикъ отеръ слезу.—Я зналъ, господишь свидователь, истину прежде чѣмъ вы ее сообщали,—продолжалъ онъ,—и Богъ одинъ знаетъ, сколько горя она мнѣ принесла. Но я молчалъ до сихъ поръ, потому что.... потому что....

— Потому что отцу трудно сознаться въ несчастіи сына, подсказалъ я.

— Да, это правда.

— Тѣмъ не менѣе, только одно это и нужно! настаивалъ я.

— Не могу.

— Въ такомъ случаѣ я долженъ буду возбудить противъ Готлиба уголовное преслѣдованіе за дачу ложныхъ показаній. Подумайте, лучше ли это для него будетъ? Вѣдь кончится тѣмъ же, только со внимательствомъ закона.

Старикъ очевидно не предусматривалъ такого оборота дѣла. Онъ былъ озадаченъ и о чемъ-то размышлялъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ послѣ довольно долгаго молчанія,—я попрошу у васъ только нѣсколько часовъ отсрочки. Я пойду къ докторамъ. Можетъ быть они согласятся оставить Готлиба дома.

— А если нѣтъ?

— Если нѣтъ.... если не согласятся.... я тотчасъ же приѣду къ вамъ съ отвѣтомъ.

— Позвольте мнѣ задать вамъ еще одинъ вопросъ, обратилась я къ нему, видя что онъ собирается уходить,—какимъ

образомъ вы рѣшились отпустить Готлиба одного, да еще пѣшкомъ, зная что онъ боленъ?

— Потому что я не предполагалъ чтобы съ нимъ могло случиться что-либо подобное, отвѣчалъ Карлъ Ивановичъ: пароксизмы повторялись сначала довольно рѣдко и ограничивались только тѣмъ что Готлибъ забавлялся въ какой-нибудь уголъ на чердакѣ или подвѣшалъ людь бочку въ подвалъ и сидѣлъ тамъ по нѣскольку часовъ, а потомъ все проходило и онъ снова привакивался за работу. Но въ послѣднее время, и особенно послѣ случая въ лесу, пароксизмы эти стали повторяться чаще, такъ что Готлибъ сдѣлался предметомъ насмѣшекъ рабочихъ, которыхъ забавляла его болезнь и которые поэтому нарочно шутили его.

— Кроме того, вы отпустили его даже безъ паспорта, упрекнулъ я старика.

— Моя ошибка, отвѣчалъ онъ, — заключалась въ томъ что я повѣрилъ Готлибу будто онъ получалъ паспортъ изъ полиціи. Онъ не хотѣлъ ждать присылки паспорта съ родины, и я знаю хлопоталъ о немъ здѣсь. Я потомъ только узналъ что въ полицейскомъ управленіи паспорта ему не выдали, но онъ это скрылъ отъ меня.

Выпроводивъ ливовара, я отправился въ тюрьму къ Боброву. Онъ ласково со мной поздоровался.

— Какъ живется, Иванычъ?

— Покорѣйше благодаримъ, полетомъ. Вотъ только господину прокурору потрафить не могу.

— А что?

— Строгъ больно. Давеча шумъ промежду арестантовъ вышелъ, такъ, изъ лустаго. Пріѣзжаетъ, входитъ въ палату, да по первому слову: знаемъ мы, говорить, кто всему заводчикъ, — наручники на него! Вотъ теперь и въ браслетахъ!

И Бобровъ бракнулъ цѣпью.

— Когда срокъ вашей апелляціи? спросилъ я его.

— Да я апелляціи подавать не буду, возразилъ Бобровъ; — тутешніе меня сбиваютъ, подай да подай, а имъ-то одно и нужно что мои сказки, боятся чтобы скоро не угнали.

— Однако, когда же?

— Боятъ, черезъ недѣлю скончится, а дополненно доложить не могу.

— Надобно, Бобровъ, чтобы вы апелляцію непременно подали.

— Нѣтъ, ваше благородіе, хоть бы мнѣ и лишнее пришлося вытерпѣть—не подамъ.

— Вотъ, замѣтилъ я какъ бы про себя,—равнымъ людямъ разное нравится. Боброву, напримеръ, въ тюрьмѣ сидѣть нравится.

Онъ съ упрекомъ на меня посмотрѣлъ.

— Самы знаете, ваше благородіе, на по своей охотѣ я сюда пришелъ.

— Вотъ то-то и бѣда что мнѣ одается будто Иванычъ самъ себя въ тюрьму засадилъ. Многое онъ на своемъ вѣку видѣлъ, захотѣлъ наручничковъ испробовать, да сказки острожные разказывать....

— Сказки разказываю потому что сказочнику всегда почетъ, первое мнѣто и первый кусокъ, потому что острожникъ за сказку голодать готовъ, а что будто я самъ сюда пришелъ, такъ я не знаю что и сказать... не оплетесь же вы надо мной, старикомъ.

И Бобровъ надовѣрчиво на меня посмотрѣлъ.

— Не шутить я пришелъ сюда, а сказать вамъ, Иванычъ, что напраслину вы на себя возвели. Вы и не стѣбали, и не рѣзали Нѣмца. Онъ сумашедшій, а сегодня уже будетъ сидѣть въ желтомъ домѣ.

— Можеть ли быть? все такъ же надовѣрчиво спросилъ Бобровъ, но какой-то далекій лучъ радости или надежды скользнулъ въ его глаза.

— Изъ раны его на рукѣ, продолжалъ я,—которую вы говорите сдѣлали толоромъ, вынуть кусокъ стекла, того самого что валялся у васъ на подоконникѣ, на лѣвѣ. Какъ же это вы могли загнать ему въ руку стекло?

Бобровъ слушалъ молча, сосредоточенно, но это молчаніе было обманчиво. За нимъ скрывалось и оно было предвѣстникомъ разомъ нахлынувшего на душу счастья. Но онъ не доверялъ еще вполне.

— Кроме васъ, продолжалъ я,—Доксъ встрѣтилъ въ лѣсу равне васъ другаго крестьянина, Анучина, знаете его?

— Изъ Семипаловска?

— Да.

— Тамъ много ихъ, не знаю котораго.

— Ому.

— Нѣтъ, этого не знаю.

— Такъ онъ и Анучину сказаль что идетъ въ Л., а не изъ

Л. Странно что онъ для васъ сдѣлалъ исключеніе и сказалъ вамъ правду! Не правда ли, Иванычъ, странно?

— Что жь мнѣ телерь дѣлать? недоумивающе спросилъ меня Бобровъ.

— Подать аппелляцію и уходить изъ тюрьмы, потому что здѣсь вамъ не мѣсто.

Избытокъ радости наконецъ прорвался. Бобровъ сдѣлалъ полуоборотъ къ образу, и грѣмя цѣлью грузно опустился предъ нимъ на колѣни. Онъ шепталъ молитву благодарности, которая такъ легко импровизируется въ подобныя минуты, а по щекамъ его одна за другою катились слезы и капали на колыца наручничковъ. Я видѣлъ безумныя слезы Докса, подмѣтилъ одну, но очень горькую слезу его дяди, видѣлъ отчаянныя, разрывающія душу слезы Матрѣи, и можетъ-быть въ силу логики долженъ былъ переживать телерь утѣшающія челоуѣка слезы самого Боброва, можетъ-быть первыя въ его жизни!

Когда онъ подвинулся съ колу на лицѣ его играла пріятливая, добрая, счастливая, старческая улыбка.

— Жень бы дать знать! проговорилъ онъ, утирая ладонью остатки слезъ.

— Не зачѣмъ, возразилъ я,—черезъ три дня сами дома будете! Подавайте же сегодня аппелляцію.

Разставшись съ Бобровымъ я послѣдшилъ готовить представленіе въ судъ по его дѣлу, и засталъ у себя ливовари, которому доктора, какъ и слѣдовало ожидать, отказали въ его просьбѣ.

— Что жь вы намѣрены дѣлать? спросилъ я его.

— Я пришелъ еще разъ просить васъ оставить это дѣло, произнесъ онъ сконфуженно.

— Я вамъ, многоуважаемый Карлъ Иванычъ, на вашу просьбу отвѣчу совѣтомъ: отвезите вашего племянника въ больницу сегодня же, потому что можетъ-быть завтра это сдѣлають уже безъ васъ. Не думайте что Доксъ до завтра можетъ покинуть Л., за нимъ слѣдять и его отсюда не выкустать. До свиданія.

Представленіе въ судъ съ подробнымъ изложениемъ всѣхъ вновь открывшихся обстоятельствъ дѣла мною приготовлено было въ тотъ же вечеръ и на утро отослано въ канцелярію суда, гдѣ и встрѣтилось съ аппелляціей Боброва.

Черезъ два дня онъ самъ вошелъ въ мою камеру.

— Ба, Иванычъ! Освободили уже васъ, воскликнулъ я, — скоро!

— Какже, сегодня утромъ казенную аммунацію разомъ съ наручниками сдалъ, да вотъ съ вашимъ благородіемъ прощиться приехалъ.

— Спасибо, спасибо вамъ, Иванычъ, что не забыли прощаться, отвѣчалъ я, усаживая старика на стулъ.—Виноваты я предъ вами, не поминайте лихомъ.

— Эхъ, баринъ, виноваты мы оба, и я-то больше вашего, гораздо больше! Все-то изъ-за моей дурачности вышло.

И Бобровъ засмѣялся.

— Одно непонятно мнѣ, какъ могли вы принять на себя такое преступленіе?

— Вы не вините меня за это, а вотъ лучше послушайте: какъ случилось это дѣло, я и пошелъ къ добрымъ людямъ за совѣтомъ. Прихожу къ одному, къ другому, вижу не вѣрять, стороватся. Иванъ Петровичъ, баринъ мой, первый заговорилъ со мной такъ что лучше бы мнѣ въ землю провалиться. И прежде нехорошо мнѣ было, смутно такъ на душѣ, а тутъ со мной лучше не ладно сдѣлалось. Тутъ вы на свиданіе пріѣхали, обыскъ въ хатѣ дѣлаете, а мнѣ ни гу-гу. Подаютъ толоръ, оглядываютъ его, точно на немъ что написано было; ружье оглядываютъ, оглядываютъ, да и отобразили вовсе. Всѣ что пріѣхали такъ на тебя смотрятъ точно на каторжнаго. Ночью взяли меня, потащили къ вамъ, вижу и господъ тоже, и въ мысли у нихъ нѣтъ чтобъ я невиненъ былъ, а господинъ Шило такъ рветъ и мечетъ, точно я родную мать его загубилъ. А какъ стали вы читать что вамъ написано было, я и самъ не знаю что со мной стало. Знаю что душегубцемъ не былъ и душегубства никогда и въ мысли не имѣлъ, а выхожу вачисто душегубцемъ. Посадили меня судьей, самъ бы кажется порѣшилъ себя на каторгу. И пришло мнѣ тогда на мысль что то было мнѣ Божье наказаніе. А много я грѣшевъ, и лучше всего гордостью. Равнаго мнѣ почитай не было и между господами. Третій годъ къ цловѣди не хожу, такъ это меня злобидо на пола за его скарденничество до вымогательства. Вотъ и Иванъ Петровичъ, баринъ добрый, а я и на него въ сердцахъ всегда былъ, сдѣлалось мнѣ что онъ такъ и паровитъ сиволаного объѣхать. Частенько цловншь котораго со свѣжею сосенкой, и на мѣсто чтобы во дворъ тащить, вздуешь порядкомъ и съ Богомъ

отпустимъ. Морда у него поболитъ, да деньги въ мошнѣ его мужицкой останутся, къ барину не поладутъ. Думаете, сердце у меня къ нимъ, къ этимъ малетникамъ лежало? Гдѣ тамъ! Я почитаю и за людей ихъ не прииваю, все одно что безсловесную тварь. Чтобы лаской, да полегоньку разуму поучить, въ его убожествѣ помочь ему, такъ вѣтъ, наровишь за его дурость да его же въ ухо съездить или послѣдними словамъ облаять. Всѣ-то у меня были нехороши, одинъ только я и былъ хорошъ.—Бобровъ помолчалъ съ минутой. Затѣмъ онъ продолжалъ:—Да, крѣпко засѣло это во мнѣ что никто какъ Богъ караетъ меня за мою гордость, такъ крѣпко что я и сказать не умю. Вотъ и вздумалъ я повиниться, потому, думалъ что Богу такъ угодно, а грѣхъ цѣли противъ Божьяго изволенія, и грѣха этого я не взялъ бы ни за что на свою душу, а то и забылъ что караетъ ли Овъ, милуетъ ли, не наше дѣло раздумывать да загадывать о Его святой волѣ. Вотъ и спрашиваю я васъ: легче ли будетъ отъ ловиной, чтобы лишнихъ, значить, разговоровъ не было: ловилася, молъ, потому чтобы легче наказаніе принять, и шабашъ, да ошибся: отъ разговоровъ не ушелъ, а можетъ и больше еще накликалъ, потому видѣлъ я, очень это вамъ не понравилось... Ну да что было, то прошло! заключилъ Бобровъ и засмѣялся веселымъ старческимъ смѣхомъ.

— Куда же вы теперь? спросилъ я его снова,—олять въ свой дѣсь?

— И ни-ни,—и Бобровъ даже руку подвѣялъ, какъ бы отталкивая отъ себя что-то,—довольно одному, пора и съ людьми ножить. Землицы у меня малость есть и деньжонки водятся, стану стариковское дѣло справлять, дѣтамъ сказки разказывать. Прежде ребятшки на меня изъ-за угла только глядѣли, боялись, Чортомъ Иванычемъ обзывали, а вывче я имъ первый другъ буду,—это вѣрно. У насъ со старухой ребятъ своихъ не было, вотъ мы и ладки на этотъ народъ. Думали не разъ приемыша взять, а теперь у насъ цѣлая команда будетъ, которые лобойчѣй—грамотѣ учить стану. И ружья брошу, кто бъ ни тянулъ на охоту—не пойду, довольно и безъ того перебалъ на своемъ вѣку этой Божьей вольной твари!

— Вы, говорятъ, хорошо стрѣляете? замѣтилъ я ему.

— Глазъ у меня вѣрный. Я изъ отставки двѣсти рублей привнесъ; все за стрѣльбу отъ господъ насобиралъ. Бывало

позовуть, дадутъ двадцать пять зарядовъ, да и говорятъ: „принесешь двадцать пять бѣкасовъ, двадцать пять цѣпко-выхъ твоихъ, а не принесешь, не взыщи, двадцать пять на-гаекъ влѣпимъ. Желаетъ?“ Бѣкасъ штука маленькая, а летитъ шибко, да неровно такъ, во всѣ стороны кидается; промах-нуться* страхъ легко, да я ни разу дѣла до нагаекъ не довелъ, четвертаю каждый разъ въ карманъ кладу... а вы-то, ваше благородіе, подумали что я промахъ далъ не Цѣпцу, да какой еще.

И онъ не договорилъ и снова засмѣялся.

Мы разстались.

Доксъ кончилъ скоро и очень печально. Онъ незамѣтно вышелъ изъ палаты въ которой содержался и, преслѣдуемый сторожами, выскочилъ изъ окна второго этажа и убится.

Бобровъ живъ и теперь. Онъ волостнымъ старшиной Усть-умской волости и поднялъ въ нѣсколько лѣтъ дѣла волости до такого благосостоянія что заслужилъ всеобщее удивленіе. Всякій кто проѣзжаетъ мимо волостнаго правленія можетъ видѣть его сидящимъ на крылечкѣ и непремѣнно въ обществе нѣсколькихъ босовогихъ мальчугановъ.

Едва не забылъ добавить: Шило протеста не подавалъ. Онъ очень занятъ теперь одною почтенною вдовой, владѣющею въ Л. двумя бакалейными магазинами и, говорятъ, изряднымъ капиталомъ. У ней лекутся первѣйшіе въ городѣ ледовые пороги, и каждую субботу въ банѣ она ведетъ растирать себя лерцовою настойкой. Предсказываютъ что со временемъ она сдѣлается лучшимъ юристомъ въ Л.

НИКИТА КОЧАНОВСКІЙ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТОМА СТО СОРОКЪ ВОСЬМАГО.

І Ю Л Ъ.

	<i>Стр.</i>	
Княжна Екатерина Алексѣевна Долгорукая въ ссылкѣ въ Березовѣ и въ монашествѣ въ Томскѣ. <i>А. Сулоуцкаго</i>	5	✓
Въ доливахъ и на высяхъ Болгаріи. Воспоминанія командира 30го Донскаго полка. <i>М. Грекова</i>	20	✓
Дѣло Докса. Изъ воспоминаній слѣдователя. <i>Никиты Кочановскаго</i>	72	
Письма священника съ похода 1877 и 1878 года. Гл. XXV—XXVII. <i>Протоіерея Вакха Гурьева</i>	129	✓
Южно-русская литература XVIII вѣка, преимущественно драматическая. Окончаніе. <i>Н. И. Петрова</i>	147	✓
Братья Карамазовы. Часть четвертая. Книга одиннадцатая. Гл. I—V. <i>Ф. М. Достоевскаго</i>	174	✓
Юрмуса и Фатима. Историческая повѣсть изъ времени освобожденія шести округовъ 1832—1834. Милана Милчевича. Переводъ съ сербскаго.....	222	✓
Разказы бабушки. Изъ воспоминаній ляти поколѣній. Записанные и собранные ея внукомъ. Окончаніе.	285	+
На Черномъ Морѣ. Разказъ. <i>Вѣры Жалиговской</i>	361	✓
Новости литературы: I. <i>Сочиненія А. С. Пушкина</i> . Изданіе третье, исправленное и дополненное, подъ редакціей П. А. Ефремова. С.-Петербургъ, изданіе книгопродавца Исакова, 1880.* Томъ первый и шестой. С. В.—II. <i>The life and writings of Henry Thomas Buckle</i> . By Alfred Huth. 2 vol.—III. <i>Promenades archéologiques.—Rome et Pompéi</i> . Par Gaston Boissier.—IV. <i>Скаковыя лошади въ Англіи</i> . <i>Modern Horse-racing: The Edinburgh Review</i> № 310. P.....	435	